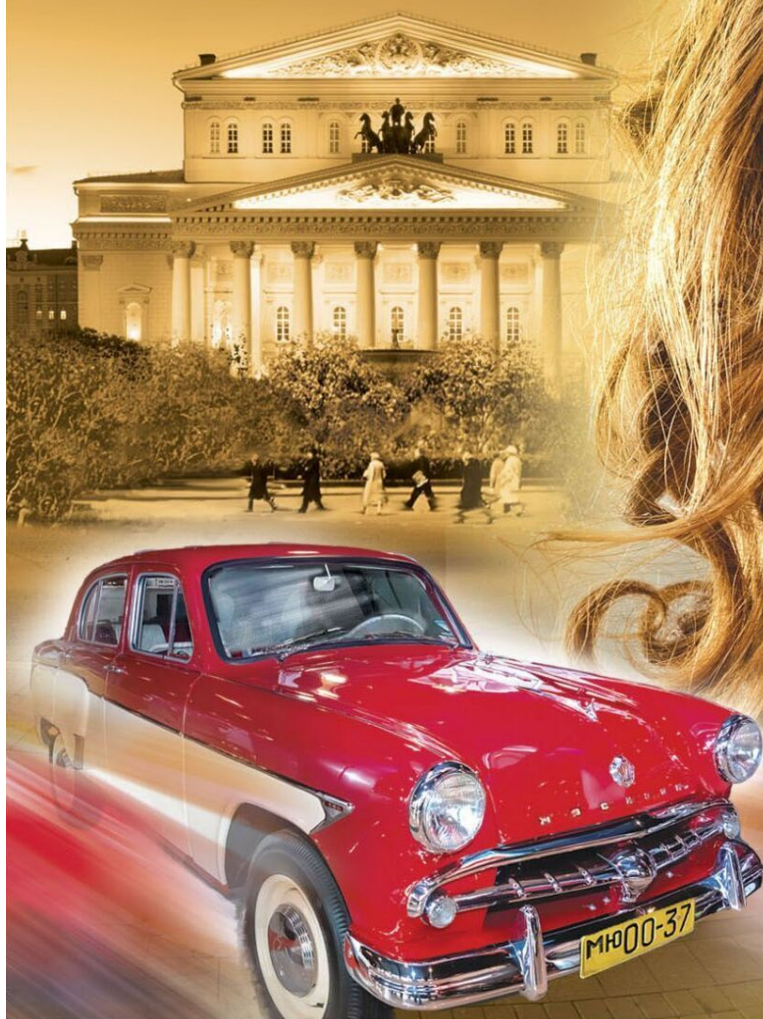

ЗАВТРА МОЖЕТ НЕ БЫТЬ

●
Варвара
Кононова и
Алексей Данилов
возвращаются!
Миссия: спасти
СССР

АННА И СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Агент секретной службы

Анна и Сергей Литвиновы

Завтра может не быть

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Завтра может не быть / А. Литвиновы — «Эксмо»,
2021 — (Агент секретной службы)

ISBN 978-5-04-161175-0

В результате таинственного эксперимента Варвара Кононова и Алексей Данилов оказываются в 1957 году в СССР. Пользуясь своим знанием будущего, Алексей становится помощником первого секретаря ЦК КПСС Хрущева. Но высокое положение молодой человек занимает недолго. Его рассказы о крахе коммунизма в 90-х доводят Хрущева до исступления. Алексея арестовывают. В то же самое время из будущего прибывает полковник Петренко, который рассказывает Варе страшные вещи: в 2020 году в России началась череда эпидемий и катастроф. Перед Петренко стоит задача: переписать историю. А Варя и Данилов вынуждены ему помогать...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-161175-0

© Литвиновы А., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Пролог	6
Варя	21
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Анна и Сергей Литвиновы

Завтра может не быть

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Пролог

1959 год, июнь. Москва, СССР

Своим ключом Данилов отпер дверь Вариной квартиры, и первое, что он увидел, – тело ее мамы. Женщина лежала навзничь. На лбу – красное пятнышко. Неживые глаза широко распахнуты. Под затылком растеклась лужа крови.

Наши дни. Москва, Россия

Запись сделали в начале девяностых прошлого века. Как раз тогда эти *сбитые летчики*, бывшие советские сильные мира сего, снова стали интересными. Разумеется, те, кто дожил. Вернее, публике они, может, и раньше были интересны – да только до перестройки никто не собирался тратить драгоценную видеопленку и труд съемочной группы, чтобы записать мемуары человека, которые гарантированно не пустят в эфир.

Но в девяносто третьем отставником, после десятка лет забвения, вдруг заинтересовались. Вот он и сидел перед объективом видеокамеры – старенький, но пряменький, в костюмчике с галстучком. На полированном столе карельской березы лежали бумаги, подготовленные к разговору – как водится в *конторе*, лицом вниз. А цифры в углу кадра отсчитывали дату и время, и секунды неумолимо бежали вперед, к скорой и неизбежной кончине этого бывшего советского *руководителя партии и правительства*: 12.02.1993; 20:34:35... 36, 37, 38...

Полковник Петренко ясно представил себе, как лихие перестроечные телевизионщики отыскивали этого полузабытого пенсионера и какой шухер царил в квартире отставника, который уже лет двадцать пять к тому времени не давал никаких интервью и все пятнадцать – пребывал в полном забвении. Как жена или прислуга мыли все и пылесосили, доставали из шкафа белую рубашечку с галстучком, продумывали, куда посадить и чем угостить журналистов. Камера у телевизионщиков имелась, судя по всему, одна и старинная, тяжеленная – планы не менялись, ракурс тоже. Лица корреспондента так ни разу и не показали, вопросы доносились из-за кадра, объектив был постоянно нацелен на героя. Лишь иногда оператор позволял себе вольность: со слышимыми щелчками приближал-удалял лицо интервьюируемого. В один из таких «наездов» стало заметно, что воротничок его рубашечки беленькой, надетой под галстучек, – потерся, посекеся и выглядит жалко.

Но сам хозяин держался внушительно: четко формулировал, ясно описывал. Хотя, конечно, старческая ригидность, замедлявшая реакции, давала о себе знать. Полковник помнил, что через полтора года после записи интервьюируемый умрет. Но сейчас Петренко совершенно не интересовало то, что случилось с объектом *после*. Важно было, что творилось с ним *до*. И *что он собой представляет*. И *сможет ли*.

Интервью это полковник уже видел, да, собственно, он его для показа на совещании и готовил, поэтому мог сейчас сосредоточиться не на содержании, а на том, как товарищ держится и реагирует.

А интервьюируемый со вкусом повествовал о самом, наверное, ярком событии в его жизни: заговоре против Хрущева в 1964 году, в котором отставник принимал самое деятельное участие.

– Кто и когда впервые предложил вам присоединиться к группе по устранению Никиты Сергеевича? – наседал корреспондент.

– Многие тогда понимали, что действия Хрущева ведут партию и государство в неправильном направлении, – начал округло комментировать *сбитый летчик*, а Петренко вновь мысленно попенял на его велеречивость и взвешенность – тогда-то, в девяносто третьем, бог бы с ним, пусть осторожничают. Но хватит ли у *кандидата* решимости и жесткости в пятьдесят девятом – если судьба вдруг подарит ему, молодому, второй шанс? А если не хватит? И он не сможет? Тогда кто?

Похоже, о том же думал и нынешний начальник *комиссии*, генерал Марголин, и второй генерал, на одну звезду важнее, из центрального аппарата. А вот о чем размышляли те двое в гражданских костюмчиках, которые перед совещанием даже не представились? Они сидели важные, непроницаемые – однако им, судя по всему, предстояло главное: решать. Точнее, выбор все равно будет делать Сам, и никто больше, но вот от того, как эти двое доложат Папе, зависит все.

– Понятно, – небрежно кивнул один из молодых.

Повинуясь едва заметному знаку начальника *комиссии*, «козла-винторогого» Марголина, Петренко остановил запись на полуслове.

– Итак, вы предлагаете, – игнорируя старшего по званию Марголина и другого генерала, из центрального аппарата, напрямую обратился к Петренко второй молодой, – именно на него сделать основную ставку?

– Пока – да, на него, – отвечивал Петренко. – Да ведь других кандидатов – раз-два и обчелся. И выглядят они гораздо хуже. Однако заранее спрогнозировать, как развернется операция, вряд ли возможно. Придется принимать решение на месте.

– Значит, у вас там, *в прошлом*, в пятьдесят девятом году, сейчас находятся двое *сотрудников*?

– Сотрудник – один. Точнее, одна. Варвара Кононова, капитан. Служит в *комиссии* почти двадцать лет.

– Двадцать? И всего лишь капитан?

– Да, бывает недисциплинированна, за что подвергалась взысканиям. Зато умна, смела, преданна.

– А кто второй?

– Второй – гражданский, некий Данилов, ее сожитель.

– А не кажется ли вам, товарищ Петренко, что эту группу, находящуюся в прошлом, необходимо усилить? Причем лично вам?

Январь 1959 года

В Советском Союзе зимой долго не отдыхали. Первого января отоспались после новогодней ночи – и второго на работу. Фабричный – к станку, инженер – к кульману. Студент – сессию сдавать.

Да ведь и первое выходным сделали лет десять назад – в сорок восьмом. Раньше, в войну или в тридцатые, – какие там новогодние праздники! Отоспаться бы в Новый год кто живой.

Тех, кто хлебнул в своей жизни военного-послевоенного лиха, в окружении Данилова большинство. Смотрят на него, юнца сорокового года рождения, в лучшем случае снисходительно. Ропшут, чуть не вслух: мы-де на фронтах кровь проливали, в кабинетах ночи напролет при усатом батьке просиживали, а этот молокосос явился – и его сразу помощником первого секретаря сделали! Хрущева, которому шлея под хвост попала, вслух пока не хулили. Но недовольны были сильно.

Работал Данилов в державном здании ЦК на Старой площади. Имел отдельный кабинет за двумя дверьми, обитыми дерматином. И даже секретарша к нему была приставлена, Ангелина Павловна, лет сорока семи. Она, слава богу, к нему по-доброму относилась, можно ска-

зять, по-матерински. Заботилась, чтобы он всегда сыт был, иной раз ему из столовой обед-ужин сама на подносике притаскивала или домашними пирожками подкармливала. На все даниловские расспросы отвечала совсем не свысока, а подробно, четко, обстоятельно. Насколько могла, просвещала насчет тайных извивов высокого партийного политеса.

Данилов помощь ценил, Ангелине доверял и в ней нуждался. А чтобы уравновесить явное недоброжелательство коллег по ЦК, старался поддерживать отношения со своим студенческим окружением. Просил и Вальку, и Валерку, с которыми он жил в студенческом общежитии Техноложки, звонить ему в любое время. Дал им свой домашний номер и прямой рабочий, не через Ангелину. При первой возможности приглашал их в кафе, пивную или театр – деньжата у него, по сравнению со студенчеством, появились, а «корочка» с золотыми буквами ЦК КПСС отпирала любые двери.

И еще потому Данилов нуждался в Валентине с Валерием, что просил друзей «приглядывать за Ларисой Жаворонковой». На их откровенный вопрос: почему бы, мол, ему самому с ней не встречаться и лично не приглядывать, рассказал побасенку, что у них с Лариской все сложно. Она на него обижена и сердита, но он не теряет надежды и т. п.

А что ему было рассказывать, правду – она, дескать, его *мать будущая*? Что через десяток с лишним лет Жаворонкова и отец должны встретиться? Зачать и родить Данилова?

И как оно все дальше будет – если он сейчас в теле своего собственного отца находится и непонятно, когда из него сможет выбраться? Как история его семьи пойдет дальше?

От этих вопросов голова у Данилова пухла. Ответов на них он не находил и потому старался гнать прочь. Одно знал определенно: девушку, которой суждено стать его матерью, бросать на произвол судьбы не следует. И раз ему ведомо будущее, он обязан ее от всяких неприятных неожиданностей оберегать.

И вот пятого января, в понедельник, ему в рабочий кабинет позвонил Валька. По прямому проводу, минуя Ангелину. Голос дружбана звучал эйфорически.

– Представляешь, старик! – орал он в трубку. – Мы сопромат сдали! Я вообще на пять баллов, сечёшь? И Валерка на «хорошо», врубаешься?

– Я в вас верил, друзья мои! – воскликнул Данилов.

Эх, ему бы их заботы: сопромат! Одно слово – студюозы. И этот смешной жаргончик шестидесятилетней давности: «сечешь», «врубился».

– Теперь жениться можно! – продолжал неистовствовать радостный Валёк. – Кстати! Совсем забыл! Твоя Лариска замуж собралась!

– Вот как? Лариса Жаворонкова? Ты уверен?

– Точняк, тебе говорю. Я ее тут встретил: ходит, вся светится. Так что упустил ты кадр.

– И кто счастливее? Кто ее избранник?

– Чувак один с Урала.

При слове «Урал» внутри Данилова словно предупредительный звоночек прозвенел, и он стал выпрашивать:

– А где мужик тот учится? У нас в Техноложке?

– В какой Техноложке! Я тебе говорю: он уралец. Взрослый мэн, вуз уже окончил.

Да, мать, перед тем как выйти за отца и стать Даниловой, была замужем. Но совсем не за взрослым и никак не уральцем.

А Валентин продолжал распространяться:

– Ехал я тут с ней в метро. Она – счастливая! Не идет – летит. И давай мне все выкладывать. Ее прям распирает. Я, говорит, в эти зимние каникулы с ним в поход пойду, на Северный Урал.

При словах о походе да на Северный Урал звоночек внутри Данилова превратился в набатный колокол.

– Мы как раз с ней в метро общались, когда она к нему ехала. Он, говорит, в Москву в командировку прибыл, встречаемся мы с ним.

– Да? Вот как? И как же того хахалю зовут? Не Дятлов ли случайно?

– Да какой Дятлов! Фамилия у него какая-то смешная. А зовут Жорой или Юрой. Георгий, короче.

– Смешная фамилия? А как конкретно?

– Ты прям как постовой вцепился! По-моему, Кривонищенко, или что-то вроде.

Данилов записал на перекидном календаре: «Кривонищенко Георгий» и рядом поставил знак вопроса.

– А какой он вуз оканчивал, не помнишь?

– Ты прям как мамочка расспрашиваешь! Зачем тебе?

– Рожу ему чистить собираюсь, – буркнул молодой человек. – Накапливаю информацию.

– Опоздал ты, брат, боюсь, совсем опоздал, – с несколько лицемерным сочувствием проговорил Валёк.

– Значит, где, говоришь, он тут, в столице, остановился?

– Реально махаться с ним будешь?

– Может, придется.

– Только я тебе ничего не говорил. Ты как будто случайно их встретил... Где он остановился, не знаю, но она сказала, что в гостинице живет. И Лариска твоя как раз к нему ехала. Еще спросила: пустят ли ее к нему в номер или это запрещено?

– Ехала-то куда?

– Вышла на конечной, «ВСХВ»¹.

– И давно это было?

– Да вот полчаса назад.

– Это всё? Или еще чем-то меня обрадуешь?

– Э, чувак, я, вообще-то, тебя хотел позвать пивка попить, отметить, что сопромат спихнули.

– Спасибо, старина, но давай в другой раз. Я ведь на работе, и дел тут навалилось выше крыши.

– Ну, тогда бывай, ответственный, хе, работник ЦК.

Данилов положил трубку. Проживая свою жизнь в двадцать первом веке, он никогда не интересовался темой перевала Дятлова, но наслышан был. И слова Валентина о походе на Северный Урал заставили задуматься. Еще как задуматься! Да, группа Дятлова пошла как раз на Северный Урал в конце пятидесятых годов. А когда она вообще-то погибла? В пятьдесят седьмом? Или восьмом? Или вовсе в шестидесятом? Или прямо сейчас – в пятьдесят девятом?

И его будущая мать собирается идти с ними?! В поход?! На Северный Урал?!

Боже, как же сложно, когда под рукой нет Интернета! И ведь никак не проверишь информацию – если даже гибельный дятловский поход случился все-таки *в прошлом*, год или два назад, о нем ведь не писали советские газеты, даже словом не обмолвились.

Но, впрочем, в руках Данилова имелся могучий информационный ресурс в виде ЦК партии.

Он выскочил в предбанник. Ангелина, надев очки, печатала какую-то справку в две закладки копирки.

– Ангелиночка Павловна, – резко спросил Данилов, – помните такой случай: группа советских туристов, студентов, погибла во время зимнего похода на Урале. Умерли все, больше десяти человек. Год назад, два или три?

– Н-нет, ничего подобного не припомню.

¹ Сейчас «ВДНХ», переименована в декабре 1959 года.

– А могло такое событие до ЦК не дойти?

– Да ну что вы! О чем вы говорите! Мы бы точно знали.

– Тогда, Ангелиночка Пална, я вас прошу, бросьте все. Садитесь на телефон и звоните, свехсрочно, молнией, в вузы Свердловска. И не только Свердловска, но вообще всего Уральского региона. Выясните: идет ли на эти зимние каникулы в поход студенческая тургруппа под руководством некоего Дятлова. И дайте мне, пожалуйста, телефонный справочник. Какие там гостиницы у нас есть в районе ВДНХ, то есть ВСХВ?

Ангелина – вот что значит школа! – казалось, одновременно ухитрилась сделать два дела. Одной рукой записала в рабочий блокнот установочные данные, что сгрузил ей Данилов:

– *Урал,*

– *вузы,*

– *поход,*

– *Дятлов.*

И как будто бы другой рукой в то же самое время протянула ему справочник Московской городской телефонной сети, причем раскрытым на странице, где гостиницы. Причем нужные ему в районе Выставки – «Турист», «Золотой колос», «Байкал» – загадочным образом оказались отмечены легкими карандашными галочками.

Данилов схватил фолиант и убежал. Открывая двери к себе, он слышал, как верная секретарша набирает междугородний номер. В ЦК партии уже появилось чудо-чудесное – импортные АТС фирмы «Строуджер», поэтому здесь, в единственном месте в стране, можно было звонить по межгороду не через телефонистку, а напрямую, набирая номер.

Сам же Данилов из своего кабинета принялся обзванивать гостиницы. Волшебные слова – «С вами говорят из ЦК партии» – оказывали на собеседников магическое воздействие. Он даже свою должность преуменьшал: негоже помощнику Никиты Сергеевича простым гостиничным клеркам телефонировать. Представлялся: «Инструктор ЦК КПСС Данилов» – и все равно пред ним стелились.

Довольно быстро удача ему улыбнулась. Во втором корпусе отеля «Золотой колос» дежурная сказала: да, значится такой Кривонищенко, проживает в триста девятом номере.

– Он сейчас у себя? Или вышел?

– Ключ не сдавал. Значит, у себя, наверное.

– Посетители находятся у него в номере в настоящее время?

– Не могу знать. Не видела. Если хотите, могу дежурную по этажу спросить. – Да-да, в то время имелось такое чудо в советских гостиницах, как *дежурная по этажу*. Она восседала у лестницы или у лифта и зорко секла, чтобы вверенные ей постояльцы не роняли честь и достоинство коммуниста-комсомольца.

– Не надо, лучше сами зайдите к нему в номер и попросите, чтобы он до моего прибытия никуда не отходил. Я приеду к нему для личной беседы.

А тут и Ангелина к нему вежливо поскреблась. Данилов распахнул дверь, и секретарша доложила:

– Свердловск, Уральский политехнический. Действительно, тургруппа Дятлова собирается на Северный Урал в поход третьей категории сложности.

– Прекрасно! Телефон ректора? И секретаря парткома института?

Вышколенная помощница подала ему листочек с четырьмя фамилиями и телефонами: кроме запрошенных там значились еще председатель профкома и начальник турклуба.

– Со Свердловском разница во времени два часа. Там сейчас уже восемнадцать.

– Я в курсе. Будем надеяться, секретарь парткома привык в прежние времена допоздна засиживаться. Спасибо вам огромное за помощь!

Нет, даже без Интернета можно жить. Если ты в ЦК партии, конечно, работаешь.

– И соедините меня, пожалуйста, Ангелина Пална, с секретарем парткома института.

Тоже политес, которому Данилов не сразу, но выучился: для пущего эффекта на периферию лучше звонить через секретаршу.

Минуты через три в трубке раздался вальяжный, но исполненный чинопочитания голос партийного начальника. После взаимных расшаркиваний, когда секретарь парткома всячески пытался нащупать, к добру ли, к худу ли раздался звонок из «большого ЦК», Данилов влепил в лоб:

– До нас дошла информация, что у вас собирается в туристический поход группа под руководством некоего Дятлова.

Вряд ли главный партиец огромного института ведал об этом, да и фамилию Дятлова слышал едва ли, поэтому ограничился в ответ неопределенным междометием, чем-то средним между «да-да» и «я же их предупреждал».

– Так вот, есть мнение, что экспедицию эту следует отменить, а группу – расформировать.

– Понимаю. А что такое? В чем причина?

Подставлять несчастных «дятловцев» и возводить на них поклепы Данилов не собирався, поэтому проговорил обтекаемо:

– На маршруте возможны нежелательные встречи.

– Понимаю вас, – столь же глубокомысленно отвечив партийный чинуша, хотя ни черта, конечно, не понимал.

Данилов положил трубку, достал из шкафа свое пальто с шапкой и бросился к выходу. Конечно, партийный секретарь вуза к его звонку должен прислушаться, не может не прислушаться. С другой стороны, дисциплинка в стране успела подрастать. И если лет десять назад, когда жив был усатый упырь, после подобного звонка из Москвы всю группу дятловскую могли ненароком и расстрелять, то теперь, кто знает, может, и вовсе пропустят в Свердловске «сигнал» мимо ушей? Надо подстраховаться. Поэтому молодой человек бросился вниз, к машине.

Несолидно выскочил, почти бегом кинулся к стоянке. Шоферы персональных «ЗИМов», «Волг», а то и «ЗИСов» потоптывали на морозце, похлопывали руками, но курили, сбившись в кучу, и судачили. Они оглядели Данилова исподлобья – Алексея не уважали. Странно им было: чуваку положена по штату персоналка с личным водилой, а он, юнец, несерьезный оранжевый «Москвич» за собственный счет купил. Сам за рулем горбится. И моет свою тачку сам, и заправляет, и даже чинит.

Но помимо удовольствия носиться за рулем по полупустому городу, Данилов очень хорошо представлял себе, что все эти водилы из спецгаража постукивают на своих хозяев, конечно: куда ездил, по какому адресу, да о чем в салоне говорил, как о ком отзывался. А зачем Алексею такое счастье? И так, он не сомневался, все время находится под колпаком. И кабинет его слушают, и квартиру – несомненно. Может, даже в «Москвича» жучок воткнули.

Он вставил ключ в зажигание, вырулил с парковки и погнал.

Быстро долетел до круга на Лубянке – памятник Дзержинскому тут только-только появился². Пронесся по улице Дзержинского, потом по Сретенке. Светофор над Садовым горел разрешительным светом. Только в этом, пятьдесят девятом году их конструкцию начнут менять: зеленый сигнал поместят вниз, красный – вверх. Пока же все наоборот: зеленый – выше всех.

Молодой человек в «Москвиче» помчался по проспекту Мира. Четверти часа не прошло, как он миновал свой дом возле метро «Мир» (так в ту пору называлась «Алексеевская»). Дальше, казалось, – край Ойкумены. Никакого памятника покорителям космоса (в который

² Памятник основателю ВЧК Дзержинскому (скульптор Е. Вучетич) на одноименной площади, перед зданием КГБ, был установлен 20 декабря 1958 года. В августе 1991-го, после провала путча, его снесли. В настоящее время скульптура находится в парке «Музеон».

как бы втыкался в двадцать первом веке проспект Мира) еще не существовало. За железнодорожным кольцом начинались пригороды – город Бабушкин, а потом Подмоскovie: Перловка, Тайнинка, Мытищи.

Данилов остановился, не доезжая квартала до гостиницы «Золотой колос», запер «Москвичок», пошел к корпусу. И вдруг – ба, навстречу шествует его собственная юная мамочка – довольная, даже, кажется, покрасневшая. Неужто посещала своего возлюбленного в гостинице? И советские церберши пустили? Разрешили пребывание в номере особы противоположного пола?

– Привет, – он подошел к ней.

Ее глаза округлились.

– Данилов? Ты что, следишь за мной?

– Конечно, слежу. А ты не знала?

– Теперь буду знать.

– Ты, говорят, любовь закрутила?

– Валентин разболтал! Вот трепло!

– Да мне, если честно, до твоей любви дела нет. Встречайся с кем хочешь. Но ты, говорят, со своим *предметом* в поход собралась? По горному Уралу?

– А тебе-то что? – спросила Лариса с вызовом.

– В общем-то, ничего. Но ты, по-моему, убедились уже, что мне – будущее ведомо?

– Да, болтун ты знатный. – Девушка усмехнулась, но в ее глазах мелькнул опасливый огонек.

Данилов об заклад готов был биться, что к его предсказаниям Лариса прислушивается.

– Так вот, знаю я, что все, кто в этот поход пойдет – и возлюбленный твой по фамилии Кривонищенко, и руководитель группы Дятлов, и ты, если вдруг тоже с ними отправишься, – все вы погибнете. Поэтому я сделаю все, чтобы вы никуда не пошли. А если товарищи твои все-таки, несмотря ни на что, вдруг на авантюру решатся, я тебя прошу: ни в какой поход, да на Урал, этой зимой – ни ногой.

– Я вот не пойму, Данилов: тебе вообще до меня что за дело? Возникаешь раз в год – то хамить начинаешь, то предостерегаешь...

– А ты, Жаворонкова, считай, что я – твой ангел-хранитель. Сама посуди: откуда я знаю о тебе такие вещи, которые ты никому-никому раньше не рассказывала?

– Например?

– Например, в девятом классе ты влюбилась в своего учителя физики. А когда он продемонстрировал к тебе – после уроков, наедине – недвусмысленный мужской интерес, съездила ему по физиономии и в слезах убежала. И все твое чувство к нему как рукой сняло.

Эту историю когда-то в юности рассказывала ему мама – из педагогических, видать, соображений, чтобы он с девчонками рук не распускал. Но сейчас она вся вспыхнула, бросила ему: «Дурак!» – развернулась и кинулась прочь по улице Ярославской.

Данилов зашагал к своей машине. Кажется, все, что мог, он сделал. Все равно, конечно, надо держать ситуацию (как говорят партийные чинуши) «на контроле». И он постановил для себя, что через неделю снова позвонит в Уральский политех, только на этот раз – ректору.

И знать не знал Данилов, что не сможет он через неделю никому позвонить, никак не сможет.

Он сел за руль своего «Москвича» и покатил в сторону области. Хотелось проехаться, проветрить голову.

Ярославское шоссе в пятьдесят девятом году представляло собой скромную двухпутную дорогу: один ряд ехал в Москву, встречный – в Подмоскovie. И никаких тебе пробок.

Северянинский путепровод уже открыли, ждать на переезде не пришлось, поэтому довольно быстро Данилов достиг будущего пересечения с МКАД. Дорогу еще не ввели, но уже делали под нее насыпь³.

Вот там-то, в тени возводящегося моста, Алексея и ждала засада.

Милицейская «Волга» с репродукторами на крыше, а в ней двое красивых фуражковых. И почему-то сразу подумалось: это не просто случайная облава – ай-яй-яй, товарищ водитель, что ж вы так быстро едете, – а конкретно по его душу.

Так и случилось. Лейтенант чуть не наперерез машине с жезлом выскочил. Засвистел, замахал, указал: прижаться к обочине. Данилов послушно выполнил команды. Не бежать же.

Он вышел из своего «москвичонка». Здесь, в СССР, повелось: остановленный милицией шофер обязательно поднимался навстречу орудовцу. Встречал, так сказать, лицом к лицу. Лишь позже, с наступлением капитализма, в России утвердился американский стиль: водитель сидит по-барски в кресле, ждет, когда полицейский причапает.

Алексей вытащил из кармана документы. Но лейтенант, не дожидаясь, нетерпеливо спросил:

– Товарищ Данилов?

– Так точно.

– Вам придется проехать с нами.

«Ну, вот оно! Слишком хорошо все у меня складывалось: квартира, машина, должность. Так не могло продолжаться вечно. Вот и случилось».

– Куда – проехать?

– Вам все объяснят. Оставьте здесь свою машину.

– Надо, значит, надо, – дернул плечом Алексей.

Его усадили на заднее сиденье милицейского авто. Лейтенант уселся рядом. «Волга» сделала лихой разворот и понеслась назад, в сторону столицы.

Сержант за рулем включил сирену, мигалку и помчался во весь опор. Машина неслась, словно в фильме «Дело пестрых», местном блокбастере прошлого, пятьдесят восьмого года. Прохожие на улицах провожали их глазами. Небось думали: доблестная орденоносная милиция летит ловить опасного преступника.

– Я арестован? – спросил Данилов. – Задержан?

Лейтенант промолчал. Рулевой сержант тем более.

Милицейское синее с красным авто, как бы повторяя в обратном порядке и в ускоренном режиме недавний путь Данилова к окраинам, очень быстро донеслось до Садового. Но там не помчалась прямо, по Сретенке, а свернуло, как ни странно, направо. Данилов удивился: почему ушли на Садовое? Куда везут? И почему его вообще вдруг задержали? Да так странно, с милицией? Только что он был на работе, на Старой площади. Почему не там его *взяли*? С недавних сталинских времен повелось арестовывать без шума: по ночам или по дороге на работу. А тут такой бемц. Что за суeta и спешка? И куда его везут? По идее, в одно из трех мест: либо он срочно понадобился на службе, тогда это – ЦК КПСС на Старой площади. Либо – и это лучшее, что он мог представить, – прямиком в рабочий кабинет Хрущева, в Кремль. Или – и то было худшим вариантом – в КГБ, на площадь Дзержинского. Но при всех этих вариантах синекрасная «Волга» должна была по Сретенке лететь к центру. Но нет – вот уже площадь Маяковского. Тут пока не построили никакого тоннеля. Мелькнул недавно установленный памятник пролетарскому поэту. У его подножия, несмотря на мороз, опять читали стихи – первые несанкционированные сборища, робкие ростки оттепели.

³ Первая очередь МКАДа, восточная, от Ярославского до Симферопольского шоссе, откроется 22 ноября 1960 года.

Мелькнуло старое здание «Современника» (скоро его снесут) – там народ толпился, верно, стрелял лишние билетки на спектакль-сенсацию «Голого короля» с молодыми Евстигнеевым и Квашой.

Но милицейская машина летела дальше – к площади Восстания. Повернули на Кутузовский, затем – на недавно, к сорокалетию Октябрьской революции, открытый мост и понеслись дальше, в область.

– Куда мы следуем? – нервно спросил Данилов, подделываясь под стиль милицейского протокола, оттуда и выскочило это бюрократическое словечко.

Как-то боязно сделалось. Сейчас завезут куда-нибудь в лес да шлепнут без приговора. Хотя в пятьдесят девятом году это не практиковалось. Даже в самые расстрельные времена соблюдали видимость законности: «тройка», трибунал и лишь потом – пуля в затылок.

Даниловский вопрос повис без ответа.

– Куда мы едем? – переспросил Алексей уже с нажимом. – Я ответственный работник ЦК и хочу знать!

– Да мы в курсе, – ласково проговорил лейтеха и повторил: – В курсе мы, что вы, товарищ Данилов, ответственный работник. Не волнуйтесь, скоро доставим вас по назначению.

И то, что тот ответил, и предупредительная интонация, прозвучавшая в голосе милицейского лейтенанта, и, наконец, то, что никакими наручниками его свободу не ограничили – мог ведь выпрыгнуть на любом повороте! – несколько успокоили Алексея. А вскорости они остановились на обочине, где их уже ждал огромный членовоз, впрочем, нет, это слово как обозначение автомобилей, в которых передвигались вожди, появилось в обиходе позже... То был очень большой «ЗИС», или «Завод имени Сталина» – его, равно как и автомобиль, к тому моменту еще не переименовали.

– Вылазьте, товарищ Данилов, – с дружеским участием промолвил лейтенант-орудовец. – Приказано вас передать с рук на руки.

Алексей выполнил приказ и выбрался из «волжанки». Лейтенант держался рядом, будто боялся, что Данилов дунет в лес. Сержант остался за рулем.

А из лимузина навстречу вылез незнакомый – вальяжный и владетельный мужчина лет сорока. Кажется, в коридорах ЦК Данилов его встречал и был тот чуть ли не главным помощником Хрущева: как его – какая-то фамилия древняя, старославянская – Воротынский, что ли, Шуйский, Милославский?..

Милицейский лейтенант тоже признал в товарище высокую власть, вытянулся в струнку и козырнул. Не обращая на него никакого внимания, ответственный работник – а все обличье незнакомца, не говоря об авто, кричало о том, что он работник именно ответственный, с ласковой укоризной обратился к Данилову:

– Что ж это вы творите, дорогой наш человек! Куда пропали? С работы, говорят, уже уехали. Дома не появлялись. Пришлось, натурально, в розыск вас подавать! Милицию на поиски подключать!

«Я не виноват, что у вас тут еще мобильников не изобрели», – захотелось ляпнуть Алексею.

Но в курсе ли товарищ, что Данилов – *человек из будущего*? Допущен ли к сей тайне? Поэтому он просто буркнул:

– А что случилось?

Вместо ответа незнакомец бросил, обращаясь к лейтенанту:

– Свободны, товарищи. Благодарю за службу, – и даже пожал ему руку.

Лейтеха-орудовец намек, что пора уматывать, немедленно понял, сел на переднее сиденье, и «волжанка», пыхнув довольно вонючим выхлопом (бензинчик тут с октановым числом «шестьдесят шесть»), бодро развернулась и понеслась обратно в Москву.

А ответственный работник с почтением сказал:

– Прошу в машину.

– Чем обязан?

– Скоро сами все увидите, что я буду предвирать.

Они уселись в «ЗИС» на мягкие диваны друг против друга, причем хозяин авто предоставил Данилову блатное местечко по ходу движения, сам же уселся на холуйское, в противоположном направлении. Машина тронулась – незаметно и уверенно, словно «Бентли».

– Кофе хотите? – спросил хозяин лимузина.

– Откуда вы знаете, что я люблю кофе? – живейшим образом переспросил молодой человек.

– Да я и сам его люблю.

Он достал огромный китайский термос, расписанный цветами, отвинтил крышку и налил Алексею пару глотков черного дымящегося напитка.

По кофе Данилов здесь, в прошлом, скучал. Как и по сотовым телефонам, и по милым кафе. По капучино с латте, наконец. Здесь, в пятьдесят девятом году, никакого капучино не знали.

Хотя по большому счету Данилову грех на судьбу жаловаться. Он благодаря опытам, которые финансировал олигарх Корюкин, и собственной опрометчивости из 2017 года перелетел на шестьдесят лет назад и очнулся в октябре 1957-го в теле своего собственного отца, Сергея Владиленовича Данилова, восемнадцатилетнего студента Московского технологического института. И ничего он в тот момент не имел, кроме койки в студенческом общежитии, читательского и комсомольского билетов, стипендии в двести шестьдесят рублей и редких посылок от мамы из Энка. А теперь – не прошло и двух лет – вона как устроился! Сумел протыриться к самому Хрущеву, заставил себя выслушать, убедил в собственной полезности. Да не ради собственной выгоды, а с желанием переменить в лучшую сторону ход истории. Но вдобавок получил квартиру и личную машину в столице всего прогрессивного человечества. Мало того: единовластный владыка всей империи, Первый секретарь ЦК Коммунистической партии и Председатель Совета Министров, его, мальчишку по сути, к себе для частных и конфиденциальных разговоров приглашает, к мнению прислушивается⁴.

И эти приглашения вызывают, конечно, скрежет зубовный всего ближнего круга, того же Железного Шурика – Шаляпина и прочих Брежневых, Козловых и Сусловых.

Первое время Данилов обольщался, конечно, своим высоким положением: подумать только, под него даже особенную должность выдумали! «Личный помощник Первого секретаря ЦК КПСС по особым вопросам», надо же. Но быстро понял, по первым же косым взглядам в коридорах на Старой площади, какая он для всей камарильи кость в горле. На какой он скользкий лёд вступил. С каким удовольствием соратники «дорогого Никиты Сергеича» при случае его схарчат.

Поэтому ему следовало быть вдвойне, втройне осторожней. Стоит только оступиться, не то брякнуть, не так посмотреть – сожрут. И косточек не оставят. Подставят перед Никитой, ославят, наплетут. Да и сам предсовмина – он же кукурузник, он же Хрущ – крутенок бывает и хитер. Выскажешь что-то супротив его «нраву» – тут же полетят клочки по закоулочкам.

Наконец прибыли на державную дачу, дальнюю – еще имелась у Никиты Сергеича, как и у трех других вождей, ближняя, прямо на берегу Москвы-реки, супротив недавно построенного стадиона «Лужники». Перед «ЗИСом» без промедления раскрыли ворота, и лимузин вкатился на территорию, а там подрулил к самым ступенькам. Хозяин авто демократично пожал руку прикрепленному сотруднику, который дежурил на первом этаже на телефоне, а потом по державной лестнице с красной ковровой дорожкой незамедлительно проводил Данилова на

⁴ Подробнее об этом – в предыдущем романе Анны и Сергея Литвиновых из серии «Агент секретной службы» – «Успеть изменить до рассвета».

второй этаж. Деревянные панели, тяжелые люстры и мебель, конечно, впечатляли, но они ни в какое сравнение не шли с дачами новой русской буржуазии, что станут появляться на том же Рублево-Успенском направлении с девяностых годов двадцатого века.

Хрущев в одиночестве сидел в столовой и читал газету «Правда». Подумать только, какая умилительная картинка для придворных живописцев, всяких Герасимовых, Решетниковых и Лактионовых – дай им волю! Никита Сергеевич пока писать свои портреты не давал, но это только пока.

– Разрешите, Никита Сергеевич? – мягко, почти неслышно прошелестел спутник Данилова, съездившись и даже как будто меньше став ростом.

– Заводи, Жора. И сам ступай отсюда. С тобой потом.

Маленькие, умненькие глазки хитренького поросенка на лысом челе первого секретаря смотрели испытующе и вроде бы добродушно. Но Данилов не сомневался: за ними – редкостные хватка, воля и хитрость. И добродушный, якобы отеческий тон руководителя нисколько не мог его обмануть. Им, тоном этим, нисколько не следовало обольщаться.

– Нашли тебя? Ну, пойдем, побродим, побалакаем. Здесь, в стенах, все подряд болтать нельзя. Думаешь, я не знаю, что даже самого *Хозяина* Берия писал? Конечно, писал! И меня теперь. Шурик Железный и пишет, гаденыш, хоть кол ему на голове тещи.

Железного Шурика, которого упомянул Никита Сергеевич, – Александра Шаляпина – только что назначили главой КГБ.

Сложно у них тут всё, при социализме.

Никита Сергеевич взял каракулевую папаху, надел драповое пальто с каракулевым же воротником и покатился стремительным колобком впереди Данилова. Вышли на воздух. Первый секретарь был полненький, а росточка маленького. Алексей возвышался над ним едва ли не на две головы. Шажок у премьер-министра был мелкий, но быстрый, требовалось поспешать, чтобы рядом с ним держаться. Он и вел – по дорожкам, затейливо проложенным среди настоящего леса, окружавшего партийную дачу, и заботливо расчищенным обслугой от снега и льда. За ними увязался было один охранник, но Хрущ сделал знак: отстань, мол.

– Давай, Алеша, рассказывай, – по-отечески начал владыка мира и социализма и даже ручкой Данилова похлопал – по плечу не получилось, высоковато для него, вышло по талии. – Знаю, щадишь ты меня, старика, не все докладываешь. Вот теперь давай поведай мне: как я в будущем власти лишусь.

– Так ведь мы же все делаем, – с жаром воскликнул молодой человек, – чтобы ничего подобного не произошло! Вот выведем вас, Никита Сергеич, на всеобщие выборы, сделаем первым президентом СССР – и никто больше, никакие политические недруги не смогут сместить. Только народ! А народ вас любит. К тому же у нас, в будущем, говорят так: важно не *как* голосуют, а *кто* считает. А считать – *мы* будем.

– Ты давай, Алеша, не увиливай, – жестко проговорил персек. – Сказали тебе: доложи, как меня сняли, – так докладывай.

– Это еще не скоро произойдет. В октябре тысяча девятьсот шестьдесят четвертого. Через пять лет с гаком.

– Не увиливай.

– Как снимать, вы же, Никита Сергеич, сами и отработали, – сдержал Данилов. – В пятьдесят седьмом, когда Маленков-Каганович-Молотов – и примкнувший к ним Шепилов – вас пытались сместить. Все так же будет. Соберут в октябре шестьдесят четвертого пленум ЦК. Все выступят по очереди, какой вы плохой. И проголосуют – единогласно, против вас, Никита Сергеевич. Большинство членов ЦК будут заранее подготовлены. С ними предварительную работу проведут.

– А кто закоперщиком будет?

– Да много их, заговорщиков, окажется. И Подгорный, и Брежнев...

– Брежнев! Этот холуй, весельчак, пьяница!.. А что же КГБ, армия, охрана моя? Неужели никто меня не поддержит?

– А с ними тоже поработают заранее. Все против вас выступят. И Шаляпин, ваш «Железный Шурик», и Семизоров, на тот момент председатель КГБ, и Малиновский, министр обороны. Если говорить прямо: все вас предадут.

– Как? И никто даже на пленуме за меня не заступится?

– Ни один. Все будут вас поносить. И Суслов, и Полянский, и Шаляпин, и Подгорный. Один только Микоян промолчит.

– И на том Серго спасибо, – кисло усмехнулся первый секретарь.

Предсовмина выглядел растоптанным. Еще бы – выяснить, что на старости лет у него не останется ни единого друга; ни один из тех, кто вылизывал его и униженно кланялся, не преминет вонзить кинжал в спину – да, это был удар.

– Спасибо, что не арестуют вас, не сошлют и не посадят. Будете жить на дальней даче, под Москвой, с семьей, детьми. Аджубей только, зятек ваш, от вас отвернется.

– В его подлом характере я никогда не сомневался. А проживу-то я сколько?

– Вас в семьдесят первом году не станет, Никита Сергеевич.

– Вроде долго еще. А все равно – мало.

– Если от власти не отойдете и все возможности кремлевской медицины будете пользоваться – дольше проживете.

– Да, двенадцать лет впереди! Сколько я мог бы сделать еще – на благо страны и человечества – да, Алеша?.. Скажи: а без меня что со страной-то будет?

– В октябре шестьдесят четвертого провозгласят, что настает, дескать, в СССР коллективное руководство. Брежнева сделают первым секретарем ЦК, впоследствии он себя в генерального переименует, Косыгин будет председателем Совета Министров, Подгорный возглавит Верховный Совет.

– Вот ничтожества!

– Только все равно опять начнется единоличное правление. В России, видать, иначе невозможно. Брежнев всю власть к рукам приберет.

– Брежнев! Станет лидером такой страны! Подумать только! Да как можно допустить?! Ничтожный ведь человек! Алкоголик! Бабник!

– Так и будет все в СССР тянуться через пень-колоду, пока Брежнев не помрет. Реформы Косыгина быстро свернут, станут на вооружения кучу денег тратить, с американцами мериться, у кого боеголовка крупнее. Народ все хуже и хуже станет жить – в провинции вообще ничего не купить, кроме хлеба и крупы перловой. А Брежневу все трын-трава, ему лишь бы охота да медсестры. И награждать его станут: орден Победы дадут, четырежды Героя Советского Союза...

– Р-растреляю подлеца! Пряма завтра!

– Не торопитесь, Никита Сергеевич. Лучше известный и старый враг, чем новый-неизученный... А Брежнев у власти до восемьдесят второго года дотянет.

– Восемнадцать лет! Однако!

– Он страну до ручки-то и доведет. Алкоголизм станет нормой жизни. А из областей: Калининской, Тульской, Владимирской – в Москву за продуктами станут ездить, у них-то совсем голяк будет. Да что говорить! Я в восьмидесятые годы в городе Энске жил, и хоть у меня папа директор завода был, я-то видел, как там народ бедовал: ни поесть, ни одеться. Поэтому, знаете, когда в восемьдесят пятом к власти в стране Горбачев пришел – молодой, энергичный генеральный секретарь, все его сначала с восторгом встретили. Он за реформы взялся – гласность, это типа как оттепель, плюс перестройка народного хозяйства. Да только, видать, поздно уже было. Все и посыпалось. Страны народной демократии самостоятельности захотели. Берлинскую стену разрушили. Мы войска из ГДР вывели, и она в состав ФРГ вошла. И в Польше,

Чехословакии – везде! – к власти капиталисты пришли. А потом и Советский Союз рассыпался на отдельные государства. Независимые Украина, Грузия, Белоруссия, Казахстан... Да все не просто так! Россия с Украиной и Грузией сейчас враждуют, Армения с Азербайджаном – настоящие войны между собой вели.

– Врешь! – вдруг исступленно прокричал первый секретарь. – Не может этого быть! Врешь ты все!

Они шествовали на максимальном удалении от дома вблизи от бетонного забора, окружавшего дачу. Данилов увидел, как зашевелились ветки гигантской ели метрах в тридцати и оттуда выступил, ушки на макушке, сотрудник в сером.

– Ох, Никита Сергеевич! Вы же понимаете: я, чтобы вам потрафить, мог бы рассказывать, как все сладко да ладно, но что поделаешь, если так сложилось?

– Тогда скажи: где и в чем мы ошиблись? Что поправить можно? Прямо сейчас? Пока я во власти и в силе?

К подобному разговору Данилов давно готовился. Даже какие-то прикидки делал, в тетрадочку формулировки записывал.

– Знаете, Никита Сергеевич, когда Советский Союз в девяносто первом распался, всю власть капиталисты заполучили, буржуины настоящие. Приватизировали – ну, то есть хапнули, иными словами, – все средства производства: металлургические заводы – Норильский никель, Красноярский алюминиевый, нефтяные и газовые месторождения, трубопроводы, другие предприятия, вплоть до земли. И те, которые стали их хозяевами – я до сих пор удивляюсь! – вроде раньше обычными советскими людьми считались, пионерчиками, комсомольцами, а сейчас буквально от жира лопаются. Яхты у них стометровые с вертолетными площадками и бассейнами, самолеты личные, замки стокомнатные. Футбольными командами они владеют и стадионами – «Спартак»», к примеру, питерским «Зенитом» и ЦСКА...

– Да как вы там, в двадцать первом веке, терпите это?! Давно пора поднять революционное восстание!

– Как терпим? А что делать? На их стороне – Росгвардия, оснащенная, вооруженная, с дубинками и газом слезоточивым.

– Возмутительно! Куда вы страну завели!

– Да не только мы, Никита Сергеевич! – в сердцах проговорил, забывшись, Алексей. – Мы-то ведь – что решали? Мы – простой народ. А вы – руководитель. Не с вас ли все началось?

– С меня?! – взревел Никита. – Да я что сделал-то?

– Вот именно! Ничего вы, Никита Сергеич, пока не сделали, чтобы Советский Союз улучшить после сталинской стужи, его исправить. Все у вас невраппад: догоним США по молоку и мясу, засадим все поля кукурузой, на Кубу ракеты отправим!

В сей момент Данилову показалось, что первый секретарь/предсовмина ударит его. Или вызовет охрану. Во всяком случае, Хрущев побагровел, что твоя свекла, или, как он сам по-южнороссийски выражался, «бурак». Маленькие глазки кровью налились, и казалось, вот-вот его круглое тельце разорвет от злости. Но он сдержался. В очередной раз – не дал волю своему бешенству.

– Что же ты предлагаешь, стручок? – с ядовитой презрительностью промолвил хозяин советского мира.

– Знаете, Никита Сергеевич, ведь в будущем не только ужасы имеют место, но и прекрасные вещи. Например, Россия снова стала импортировать зерно – да в больших количествах. А ведь в шестьдесят третьем году вы, Никита Сергеевич, чтоб народ прокормить, на Западе за золото пшеницу покупать станете. И ваши преемники, тот же Брежнев, – эту практику продолжит. А мы в двадцать первом веке сами справляемся. И знаете почему?

– Ну?

– Потому что крестьянина освободили. Раскрепостили. Колхозы закрыли. Сказали людям: столько земли бери, сколько сможешь обрабатывать. И никто никому не советует, не указывает: где и что сажать-сеять. Кукурузу там или рожь.

Алексей заметил, что лицо советского руководителя снова наливается кровью, но решил: а плевать, не буду молчать, семь бед – один ответ, выскажусь начистоту. И продолжал:

– И с мясом-курицей-яйцами-молоком – точно так же никаких у нас проблем. Потому что нет дурацких ограничений, как при Советском Союзе: только одну корову держать. Или участок подсобный – всего шесть соток, а дом поставить можно лишь тридцать шесть квадратных метров. У нас – если ты фермер и есть силы и желание: хоть сто бычков на откорм бери и кормовые сажай, какие сочтешь нужным, не обязательно кукурузу, хоть на ста гектарах – земли в России много!

Хрущев слушал, багровел, но не перебивал. Они шествовали по дорожкам, удалившись от главного здания дачи, по настоящему заснеженному лесу.

– Так же и с малым бизнесом в городах. Ну почему б вам не разрешить парикмахерские частные? Кафе? Магазины? Мастерские? Почему у вас за все государство отвечает? И за сталь, и за столовые? И за газ, и за пиво? Ну, разгрузите вы его, государство! Отдайте всякую мелочь частнику!

– Да как же ты не понимаешь?! – громовым голосом заорал тут первый секретарь. – Вот с этого самого частного – реставрация капитализма и начинается! Сегодня мы мастерскую разрешим, а завтра мелкобуржуазный уклад все пожрет! И не заметим, как те буржуи появятся, о которых ты буровишь, на яхтах стометровых!

– Тогда вам вообще ничего менять не надо! Наоборот, вернуть все, как при Сталине! Не туда посмотрел – расстрел! Не то сказал – каторга!

– А ты меня усады-то не пугай! – продолжал свирепеть Хрущев. – Я с ним двадцать лет работал – не испугался! Моду взяли! Ты мне своей дилеммой в морду не тыкай! Ишь! Или свободу через край – или расстреливать! Партия сама разберется, без ваших скользких указаний, ревизионизмом попахивающими, как нам коммунизм строить!

– Да не строите вы его! – в сердцах вскричал Данилов. – Губите вы саму идею коммунистическую! И страну – тоже!

– Хватит! – окончательно рассвирепел персек/предсовмина. – Ишь, нашелся! Кликуша! Оппортунист! Убирайся! Не желаю слушать тебя!

– Ладно. – Данилов пожал плечами. – Тогда до свидания. – Развернулся и по расчищенной дорожке отправился к выходу с дачи.

Хрущев, он чувствовал, смотрит ему вслед – однако окликать тот не стал.

Потом еще пришлось просидеть с час, не меньше, в домике для охраны у ворот – пока ребята в штатском вели тихие переговоры по телефону: куда его и кому везти – пешком с дачи первого секретаря не уходят. Наконец подали, согласно явно понизившемуся статусу, «волжанку» М-21. Водила, молчаливый и настороженный, повез Алексея через город – западную часть МКАДа только начинали строить. По пути молодой человек старался не думать, что будет дальше. Слегка хлебнувши советских порядков, он понимал, что после ссоры с первым секретарем с ним может случиться все что угодно. Но все-таки надеялся на лучшее. Хрущ – он гневлив, но отходчив. И вроде не злопамятен.

На пересечении Ярославки с будущим МКАДом он распрощался с водителем «Волги» и пересел в свой морковный «москвичок», сиротливо стоявший на обочине. Завелся, поехал к себе домой на «Алексеевскую». Зарулил во двор, припарковался. И сердце у него упало, когда, подойдя к подъезду, он оказался окружен тремя угрюмыми хмырями в пальто с цигейковыми воротниками:

– Гражданин Данилов? Вам придется проехать с нами.

Советская печать:

Вперед, к новым победам коммунизма! (*Встреча товарища Н.С. Хрущева с избирателями Калининского избирательного округа гор. Москвы*)

Взоры миллионов англичан обращены к Москве.

Заглянем в завтрашний день «...Большие выносные экраны телевизоров можно будет повесить на стене, как картину...»

О движении третьего искусственного спутника Земли.

Посещение Премьер-Министром Великобритании Г. Макмилланом Большого театра Союза ССР. «...Находящиеся в Москве с официальным государственным визитом Премьер-Министр Великобритании Гарольд Макмиллан, министр иностранных дел Селвин Ллойд и сопровождающие их лица 25 февраля смотрели в Государственном Академическом Большом театре СССР балет С. Прокофьева «Ромео и Джульетта». На спектакле в центральной ложе, которая была украшена государственными флагами Великобритании и СССР, вместе с английскими государственными деятелями были Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев, Заместители Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлов, А. И. Микоян, А. Н. Косыгин, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко...»

Варя

Что она могла, простая советская девятнадцатилетняя девушка, живущая в СССР в 1959 году? Хорошо учиться, заниматься комсомольской работой, расти идейно и духовно.

Дозволялось и даже приветствовалось заниматься спортом – в физкультурной секции или вместе с подругами. Зимой – носиться на деревянных лыжах. Летом – грести на лодке в ЦПКиО имени Горького. Или в ужасных шароварах наматывать круги на институтском стадионе «Технолог».

Девушка могла дружить с мальчиками. Именно так – *дружить*. Слово *влюбляться* было какое-то нехорошее, подозрительное, мелкобуржуазное. А *заниматься любовью* – вообще табу. Более ханжеское общество, чем советское, еще поискать. О плотском если и говорят, то только тихим шепотом, с ближайшими подругами.

Что еще было подвластно Варе? Написать письмо в газету. Выступить на комсомольском собрании. Или даже на открытом партийном.

Но она не могла *ничего менять*. И ни на что *влиять*.

Как могла она, к примеру, помочь своему любимому?

Незаконно арестованному?

Обвиненному?

Да она не в силах даже в точности узнать: действительно ли он арестован? В чем его подозревают? Или он *просто* пропал? Но ведь просто так, сами по себе, без помощи властей, люди тогда пропадали крайне редко. Это потом, в девяностые и начальные нулевые, лихих людей разведется полно, а государству и дела не будет. Но в 1959-м – нет. Совсем недавно, шесть лет только прошло, как умер усатый, но администрация по-прежнему сечет: что сказал, где выступил, куда посмотрел.

Когда Данилов исчез – не отвечает телефон ни дома, ни на работе, квартира на проспекте Мира заперта, и никто не откликается, Варя сначала думала: срочное дело, какую-нибудь бумагу пишут, к съезду партии готовятся. Но Алексей не мог оставить ее в неизвестности, обязательно выбрал бы момент и позвонил. А тут сутки прошли, двое, а он как в воду канул. Машина его, «Москвич» морковного цвета, которую Варя хорошо знала, у подъезда стоит, уже слегка присыпана снежком.

Девушка позвонила его секретарше, Ангелине Павловне – однажды Алексей приглашал Варю на службу и с нею познакомил. Но дамочка ответила сухо:

– Он здесь больше не работает, – и немедленно бросила трубку.

Когда три дня минуло, девушка пошла, как положено в подобных случаях, в отделение милиции по месту жительства исчезнувшего. Приняли ее там вежливо, но скептически. Не с холодным цинизмом отфутболили, как принято было в нулевые и десятые, но и без радушия дяди Степы. Изводили вопросами, почему она интересуется и кем Данилов ей приходится.

– Друг.

– Ах, друг... – глубокомысленные переглядывания.

– Никого, кроме меня, у него больше в Москве нет.

Однако заявление мильтоны взяли, велели захаживать, осведомляться. Но Варя чувствовала: дохлый номер. Не будут районные менты искать ответственного сотрудника ЦК – не тот уровень, не тот полет.

Тогда Кононова отправилась однажды с утра на Старую площадь. Прохаживалась там, мерзла, рискуя вызвать повышенное внимание КГБ: кто такая? Что тут ошивается? Наконец углядела в толпе идущих от метро «Дзержинская» Ангелину Павловну и бросилась к ней:

– Я по поводу Данилова. Скажите, где он, что с ним?

Даже не замедляя шага, тетка бросила на ходу:

– Я не знаю. – И добавила углом рта: – Не приходите сюда больше.

Варя собрала передачку: папиросы, сало, носки вязанные шерстяные – и отправилась в приемную КГБ на Кузнецкий Мост. И вроде бы сама, в другой жизни и в другом теле, числилась на службе в конторе-правопреемнице и даже звание капитана носила, а страшно было. Одно дело, когда ее вербовали в спецкомиссию при ФСБ в конце девяностых, на волне обновления и благодатных реформ, и совсем другое – пятидесятые. Еще ГУЛАГ не весь опростили. Короче, подсасывало от волнения, когда Варя добралась до окошка.

– Вот, хочу оставить передачу заключенному, – она потыкала узелком в окно.

– Фамилия-имя-отчество? – равнодушно проговорил лейтенант КГБ.

Варя назвала.

– Ждите.

Оконце захлопнулось. Спустя десять минут Варя услышала:

– За нами данный гражданин не числится.

– А где же он?!

Вопль остался безо всякого ответа.

Варя записалась на прием в ЦК партии. Через три дня ее принял в отдельном кабинете вежливый человек лет сорока, в костюмчике с галстучком. Она изложила суть дела:

– Данилов, сотрудник ЦК... Неизвестно, куда исчез... Дома не появляется вот уже две недели...

А тот на голубом глазу:

– Данилов? Нет у нас такого сотрудника. Не значится в списках, и не значилось его никогда.

Что оставалось делать? Только жалеть: может, напрасно врала она Алексею, что многое в будущем, благодаря его влиянию на Хрущева, изменится? Надо было сказать, что все там у нас, в две тысячи восемнадцатом году, осталось как прежде. Миллионодолларовые богатеи и коррупция, наглые чиновники и продажная полиция... Но ей так хотелось поддержать Алешку, показать, что все его усилия не напрасны, он благое дело вершит, подталкивая советские власти к реформам! Но, может, если б она ему правду сказала: ничего в России не меняется и, несмотря на все твои старания, осталось как было – может, тогда б он оставил свои попытки вразумить Хрущева? Наверное, лучше бросил бы он заниматься византийской кремлевской политикой и стал обычным советским гражданином... Может, тогда и цел остался, и на свободе?

Но правду говорят: история сослагательного наклонения не имеет. Теперь ей надо попытаться если не вытащить Данилова, то хотя бы облегчить его участь. Конечно, Варя знала, что многое, очень многое в советской стране делается под ковром, по блату, по принципу «ты – мне, я – тебе». А тут и нужный человек вроде бы у нее под боком.

Находясь в чужом, девятнадцатилетнем теле, Варя проживала вместе с матерью и отчимом. Ей несказанно повезло. Большая часть населения СССР, в основном колхозное крестьянство, ютилось по избам, где вода – из колодца, а удобства – на улице. Другой гигантский отряд, рабочий класс, теснился по баракам да коммуналкам. Ей же досталась комфортабельная четырехкомнатная квартира с паровым отоплением, горячей водой и газовой плитой. А все потому, что ее отчим, Аркадий Афанасьевич, являлся ценным для страны Советов кадром, начальником АХО (административно-хозяйственного отдела) в крупном и очень секретном почтовом ящике. Отношения у нее с отчимом были не то что сложными, но напряженными. Уже одно то, что она – девятнадцатилетняя студентка! – встречается с женщиной и даже остается у него ночевать. Пусть там любовь, пусть Данилов и ответственный работник ЦК партии, но все равно: разврат! Почему не женится?! – хотя и рано жениться в девятнадцать лет, конечно, но лучше уж так, чем блуд неприкрытый! Обо всем этом отчим, Варя слышала, регулярно толковал с матерью – он вообще очень правильным был, этот пятидесятилетний округлый хорек

в очочках. Притом девушка порой его взгляды ловила: если б она была девятнадцатилетней советской первокурсницей, может, их и не понимала бы, но так как она долго прожила в другом женском теле, то хорошо знала цену подобных сальных мужских косяков. Короче, идти на поклон к Аркадию Афанасьевичу не хотелось – однако никаких больше вариантов узнать о судьбе Данилова не оставалось. Пришлось постучаться вечером в кабинет и все изложить.

Отчим, конечно, не преминул, воскликнул:

– Да разве можно было вообще с таким типом связываться! – Однако сказал, что поставится узнать. Но притом загундосил: – Доведешь ты меня со своим Даниловым до цугундера, чует мое сердце, доведешь!

– Не кликушествуйте, Аркадий Афанасьевич, и не каркайте! – припечатала Варя и вышла из кабинета.

Да, больше никаких шансов узнать о судьбе Данилова, кажется, не оставалось. И даже шансы сделать что-то через отчима представлялись крайне призрачными.

Но потом в жизни Вари случилась удивительная встреча.

* * *

Сидеть в тюрьме Данилову было не впервой. Однажды его еще Варя арестовывала, когда они были врагами. И в новом теле, когда он впервые явился пред светлые очи Хруща, его для начала в каталажку посадили, мытарили и проверяли⁵. Но на сей раз, в отличие от первых двух, Алексею почему-то казалось: теперь заключение надолго. Если не навсегда.

Начать с того, что он даже не знал, где находится. Ни в какой тюрьме, ни в каком городе. Когда его *взяли* у собственного подъезда на проспекте Мира и усадили в черную «Волгу», сидевший рядом хмыреный в галстучке первым делом вколол Данилову в бедро какое-то снадобье – и тот улетел. Очнулся неизвестно через сколько в тюремной камере. В одиночке. Голова болела, была тупой и гулкой.

Никто из охраны ни о чем с Алексеем не беседовал, сколько он ни пытался завести разговор – хотя бы о погоде.

Никаких сокамерников, даже в роли наседок, к нему не подсаживали. Кормили не то чтобы вкусно, но приемлемо, не баландой тюремной: на завтрак – каша с маслом или творог со сметаной, на обед – густые щи с мясом, котлета с пюре. Утром и вечером выводили на оправку. Отхожие места в тюрьме, как и почти во всем Советском Союзе, смердели и густо были засыпаны хлоркой.

Довольно скоро ему предъявили обвинение – по той самой, печально знаменитой пятидесят восьмой статье, по которой при Сталине несколько миллионов осудили, а сотни тысяч казнили⁶. Пункт статьи вменили пятый, тоже расстрельный: «Участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии». И не поспоришь: действительно, рассказывать, что СССР развалится, а в двадцать первом веке власть в России будет принадлежать капиталистам, – разве не контрреволюция? Не помощь мировой буржуазии?

И начались допросы. Хотя как сказать... Почти ничего не спрашивали о жизни Данилова в прошлом: в пятьдесят седьмом, восьмом году. Вскользь, бегло: с кем встречался, разговаривал, кому рассказывал свои беспочвенные фантазии относительно будущего? Тут молодой человек на своем стоял: никому ни слова, кроме первого секретаря ЦК товарища Хрущева, не поверял. Про Варю спрашивали бегло, и он, конечно, о том, что она тоже человек из будущего, не обмолвился. А потом начались другие – да их и допросами назвать было сложно. Скорее

⁵ Подробнее можно прочитать в романах Анны и Сергея Литвиновых «Пока ангелы спят» и «Успеть изменить до рассвета».

⁶ В 1959 году в стране еще действовал старый Уголовный кодекс, принятый в 1926 году. Его поменяют в 1960-м.

рассказы Данилова о том, что он знает и помнит из будущего. Из всех тех лет между тысяча девятьсот пятьдесят девятым и 2017-м (когда он в прошлое очертя голову бросился).

Всего расспрашивателей было четверо. Они чередовались друг за другом, и каждый расспрашивал Алексея целый день, с перерывом на обед. Судя по всему, они не в КГБ работали, а были приходящими консультантами.

Никто из них заключенному не представлялся и никаких отвлеченных разговоров не поддерживал. Первого Данилов прозвал для себя Историк – более всего тот похож был на дядек, которых он встречал порой в коридорах ЦК КПСС: консультантов, инструкторов. Спокойный, умный, румяный, свободолюбивый, он чем-то напоминал того хрущевского главного помощника, что недавно его на дачу к кукурузнику привозил. Или молодого академика Яковлева. Или, скажем, журналиста и будущего посла Бовина: холеный, лощеный, стильный, одетый в заграничное.

Этого интересовала общая канва будущих событий. Почему-то особенно – отношения с Америкой. Изложению Карибского кризиса посвятили несколько дней: все мельчайшие детали, какие только молодой человек сохранил в своей памяти, допросчик у него выщипывал. И с чего началось, и как развивалось, где нам пришлось отступить и в чем договориться.

Переворот с отстранением Хрущева в октябре шестьдесят четвертого тоже оказался допросчику чрезвычайно интересным. И ему несколько дней посвятили. А также убийству Кеннеди в Далласе в шестьдесят третьем. А потом: брежневское правление, политика мирного сосуществования, первые договоры об ограничении ракет. Затхлость брежневского режима, эпидемия властных смертей в начале восьмидесятых. Про Горбачева и его реформы Данилов тоже рассказывал подробно. А вот о том, как все устроено в нынешней России – на удивление интересовало мало: олигархи, реформа медицины, «крымнаш»... – все конспективно. Такое впечатление, будто до тех лет ни вопрошающий, ни те, кто его послал, доживать не собирались.

Вторым был человек, которого Алексей прозвал про себя «Вычислитель». Его интересовало все, связанное с компьютерами. Персоналки. Сотовые телефоны. Интернет. Облачные сервисы. Но что мог об этом Данилов, безнадежный гуманитарий, поведать? Разве он понимал, как устроены персональные компьютеры и мобильники, как действуют? Какие-то обломки знаний в памяти оставались, и он честно пытался их из себя выковырять, помочь советским технарям занять лидирующие позиции.

Третий был по части вооружений. Подтянутый, седой – казалось, он прямо перед тюрьмой снимает свой полковничий, а то и генеральский мундир и переодевается в гражданское. И тут тоже – что мог знать и помнить пришелец из будущего, попаданец? Ракеты подземного базирования, разделяющиеся боеголовки. Помнится, полковнику (генералу?) очень понравилась – он чуть не закричал от восторга – идея о скрытом размещении межконтинентальных ракет на поездах, замаскированных под обычные составы, а также на автомобильных платформах – и постоянное циркулирование и того, и сего по трассам вокруг Москвы. Рассказал Данилов, что знал, и о технологии стелс, дронах, спутниковой разведке.

Впрочем, о космосе больше доводилось говорить с другим товарищем – тут Данилов проявил себя не то чтобы докой, но более осведомленным, чем в вычислительной технике и вооружениях. Все потому, что однажды рассказал ему американский шпион о том, как устранял великих людей двадцатого века – Сергея Павловича Королева и Юрия Алексеевича Гагарина⁷. И после этого Алексей взялся изучать историю советской космонавтики и лунной гонки между СССР и США. Тоже, конечно, рассказывал как дилетант, начитавшийся мемуаров гуманитарий, но хоть что-то знал и помнил.

Консультант из космической отрасли был забавный: маленький, нечесаный, со скосбобленным галстуком и нестриженными ногтями. Он курил, разбрасывая всюду пепел, и порой

⁷ Подробнее читайте об этом в романе Анны и Сергея Литвиновых «Аватар судьбы».

тушил папироски собственными пальцами, отчего последние частенько бывали у него черными. Иногда, в порыве вдохновения, он вдруг вскакивал и делал несколько кругов по допросной, мыча и потирая руки.

– Значит, вы говорите, – набрасывался он на Данилова, – что Советский Союз первым запустил человека в космос, но так и не побывал на Луне. А почему, как вы думаете?

Так как Алексей и сам себе этот вопрос не раз задавал, ответ он сформулировал неплохо:

– Сказались и объективные, и субъективные моменты. Из объективных отмечу недостаток финансирования. И то, что не создали единого научно-технического комплекса, перед которым поставили бы конкретную цель: отправить советского человека на Луну. Существовал и субъективный момент: академики Королев и Глушко разосрались, простите мой французский. Первый ни в какую не хотел делать ракету на высококипящих компонентах, считал, что это страшно вредно – и природе, и людям. И стал изобретать ракету Н-1, которая не полетела ни при его жизни, ни после. А второй был уверен, что кислород-водород-керосин сроду не дадут нужной тяги для тяжелой ракеты.

– Это ж все совершенно секретно! Откуда вы знаете! – восклицал «Космонавт», подсакивал и делал несколько кругов по допросной, мыча и потирая руки.

– Ну, к 2017 году все грифы снимут, архивы откроют. Но я вам другое хочу рассказать. Думаю, уже прямо сейчас, в начале пятьдесят девятого, академик Янгель в Днепропетровске, знаете такого? – Допрашиватель сделал невинное лицо кирпичом, по которому стало понятно, что, конечно, знает, и, возможно, даже лично. – Так вот, Янгель делает межконтинентальную ракету, причем на двигателях Глушко, на высококипящих компонентах. Порядковый номер Эр-шестнадцать. И двадцать четвертого октября шестидесятого года ее с площадки на Байконуре – Тюратаме, как вы пока его называете, попытаются запустить. А так как будут страшно спешить порадовать дорогого Никиту Сергеевича, станут работать прямо на стартовом столе, на заправленной ракете. Произойдет взрыв, растечется горящее ядовитое топливо. Около ста человек погибнут, в том числе маршал артиллерии Неделин. Поэтому запишите самое важное: двадцать четвертого октября шестидесятого, пятьдесят восьмая площадка Тюратама. Пожалуйста, не надо спешить!

«Космонавт» даниловскими показаниями бывал весьма доволен, радостно вскакивал, массируя кисти, распевал свои мычащие песенки.

– Сейчас, в начале пятьдесят девятого, – рассказывал Алексей, – как раз начинается набор в самый первый отряд тех, кого позже назовут космонавтами. Гагарин, Титов, Николаев и прочие. Их среди военных летчиков-истребителей выбирают. Но имейте в виду, что впоследствии Сергей Павлович не очень этим будет доволен: ребята без высшего образования, со знанием дела доложить о работе оборудования в полете не могут, а потом всемирная слава многих испортит – пьянка, женщины и подобное. Впоследствии сам Королев решит, что требования к космонавтам по здоровью следует снизить, а по части образования – повысить.

Раз в день Данилова выводили на прогулку – всегда одного, в мрачный тюремный дворик с крышей в виде решетки. Он присматривался, принюхивался к воздуху: какая температура, влажность? Как понять, где он находится? В Москве или его вывезли куда-то? Сначала было так тепло, что он уверился: точно, завезли в южные края. Но потом вдруг снова пришли морозы, даже снег посыпал, к нему сквозь решетку снежинки залетали, и появилась уверенность: он недалеко от Москвы, если не в самой столице. Прогулка – одна в день, не дольше получаса, он считал шаги – десяти тысяч, по ЗОЖу положенных, не набиралось. Но лязгали двери: «Прогулка окончена, лицом к стене!» И ни малейшего отклика у конвоя ни на какой человеческий разговор.

Впрочем, одиночество не угнетало Данилова. Казалось, сама судьба велела ему быть одиноким, потому что уродился он не таким, как все. Но жизнь распорядилась, что ему всегда

приходилось быть на людях: выслушивать, лечить, выступать. И вот теперь наконец он может насладиться жизнью интроверта, спрятаться, как улитка в раковину.

Но мучила мысль: а что потом? Его знания о будущем конечны. А что произойдет, когда он выдаст все, что помнил, и неминуемо начнет повторяться? Его выведут на суд и приговорят? Или (как говаривал Королёв Сергей Павлович) «шлепнут без приговора»?

И по Варе он, конечно, скучал. По любой – и в ее привычном теле роскошной, зрелой, самоуверенной тридцати-с-чем-то-летней женщины, и в роли девятнадцатилетней, слегка угловатой советской девчонки. Главное – душу он ее любил и по ней более всего тосковал. Совсем без нее было грустно.

Поэтому он надеялся – довольно слабо, но все равно, без надежды жизнь совсем безотраднa и неприглядна стала бы: может, когда он все-все расскажет и больше никакого интереса представлять не будет, его и отпустят? На свободу, к Варе?

* * *

И Варя в Москве тоже по Данилову тосковала. Думала: как нескладно получилось. Она устремилась к нему, в опасное, тяжелое путешествие, не то что за тысячу миль, а куда дальше, за целых шесть десятилетий. Наконец они обрели друг друга – и что же? Так быстро потеряют? Его поглотила серая советская машина, и даже непонятно: где он, что с ним, жив ли, а может, умер?

Он, пока был здесь, в СССР конца пятидесятих, часто ей советовал, как быть. К примеру, в какой вуз поступать. Ее любимого факультета ВМК (вычислительной математики и кибернетики) в МГУ (который она окончила в конце девяностых) еще просто не существовало. И Алексей сагитировал ее: иди в Технологический, там как раз новая кафедра появилась, называется «счетно-решающие приборы и устройства». С ума сойти! Счетно-решающие приборы! У них здесь даже слово «ЭВМ» пока не в ходу, не говоря уже про «компьютер». Выпускники кафедры говорят, первые счетно-решающие машины будут обслуживать, ламповые, – БЭСМ-6, к примеру. Неужели Варя, с ее талантом и опытом, на подобном жалком фоне не продвинется?

Однако даже поступить туда нелегко оказалось. Естественно-научная подготовка тут, в СССР, была на высочайшем уровне. Школьные задачи решали на уровне вузовских выпускников двадцать первого века. А с историей КПСС вообще завал (как выражались сокурсники). Никак Варе не давался предмет, не поворачивался язык бойко рассказывать *препу* (тогда так называли лекторов) о втором съезде РСДРП и ленинской борьбе с меньшевиками и прочими гадами. С грехом пополам – как раз в дни, когда пропал Данилов, – сдала проклятый предмет на троечку.

Вот и теперь: пара месяцев прошло, катила уже в глаза летняя сессия, а учиться никакой охоты не было, и все мысли только о нем, Данилове.

Московский технологический институт был в то время очень продвинутым. Оснащенные лаборатории, своя собственная учебная ТЭЦ, красивые аудитории с дубовой мебелью, мраморные лестницы. Все потому, что долгое время руководила вузом жена многолетнего председателя Совета Министров СССР товарища Маленкова, по фамилии Голубцова. Теперь-то ее давно не было, и самого Маленкова снял Хрущев на пленуме пятьдесят седьмого года, а Голубцова, как верная декабристка, поехала за ним в казахский Экибастуз, но все, что наработано ею было, включая мраморные лестницы, осталось. И трамвайная остановка у самого входа в вуз.

Добираться из института домой Варе приходилось долго: сначала на трамвае до «Бауманской», потом на метро с пересадкой до «Калужской» (так называлась в то время нынешняя станция «Октябрьская»-кольцевая), и там еще на автобусе по Ленинскому до самой Калужской заставы. (Станцию метро «Ленинский проспект» введут в строй только в 1962 году.) Формально – самая окраина города, зато квартира у отчима – в одном из двух прекрасных домов,

построенных после войны заключенными и подковой охватывающих будущую площадь Гагарина.

В тот день было всего три пары, и народу в трамвае номер тридцать семь, идущем до «Бауманской», оказалось немного. Варя заплатила кондуктору тридцать копеек, заняла свободное местечко у окна и стала смотреть на убегающую панораму Красноказарменной улицы. Почти сразу рядом плюхнулся взрослый мужчина – ну как взрослый, лет двадцати семи. Чем-то он показался ей смутно знакомым. Где-то, ей припомнилось, она его уже видела; может, не в этой жизни, а в будущем? Но как подобное могло произойти? А мужик поглядывал на нее искоса и улыбался. «Как бы не стал клеиться», – с досадой подумала Варя. Но тот, конечно же, стал. Притом необычно.

– Без мобильника непривычно, да? – участливо спросил он Варю, отвернувшись к окну.

До девушки несколько секунд доходил вопрос, а потом в голове пронеслись десятки мыслей. «Мобильник» – она не ослышалась? Кто здесь, в Москве-1959, знает, что такое мобильник? Только она да Данилов. Но они с Алешей договорились, что никому не выдадут: она – тоже попаданец, пришелец из будущего. Значит, вихрем подумалось, его в заключении пытали – и ему пришлось о ней рассказать. И вот теперь – *спецслужбисты* пришли арестовывать и ее тоже.

Чтобы потянуть время, Варя холодно проговорила:

– Вы о чем? Не понимаю.

Она искоса посмотрела на соседа: молодой человек, хорошо одетый, в костюмчике и, как принято тут даже в теплую погоду, в шляпе. Что-то неуловимо знакомое почудилось ей в его лице, на кого-то он был похож.

– Не напрягайся ты так, Варя, – со смешком добавил мужчина. – Это я, полковник Петренко. Точнее сказать: я сейчас в теле моего отца, Петренко Александра Тимофеевича. Ты знаешь, как это работает. Теперь я тоже здесь, с вами.

Трамвай остановился на очередной остановке. Мужчина схватил девушку, повлек к дверям, выскочил первый и подал ей, как джентльмен, руку. Она покорно за ним следовала, за этим, как он сказал, «полковником Петренко». А он приобнял ее и потащил в сторону Лефортовского парка – как раз они выпрыгнули на остановке, четвертой от института.

– Пойдем, Варечка, поговорим на просторе, чтобы никто не слыхивал нас. Ведь кто услышит – сразу очумеет.

В старинном парке людей и впрямь оказалось мало, лишь какая-то парочка, обалдевшая от любви и друг от дружки, да мамаша со смешной старомодной коляской. Шла середина апреля, но установилась невиданная для столицы жара, и несмотря на то, что до майских праздников оставалось еще две недели, деревца уже покрылись легким изумрудным пухом.

– Да, моя дорогая, – продолжил Петренко, – я последовал сюда за вами, в пятьдесят девятый. Но не по велению сердца, как некоторые, и не сбежавшую любовь преследую – я тут нахожусь на спецзадании. И хочу тебя обрадовать, что ты отныне поступаешь в мое распоряжение. А как ты хотела? Ты – капитан, я по-прежнему полковник. И тело твое настоящее в двадцать первом веке содержится в целости и сохранности. Как и тело твоего любовничка Данилова. Оба вы там, у нас, в двадцатых годах двадцать первого века, пребываете в глубокой коме. Страшно подумать, сколько государство сил и средств уже израсходовало, чтобы ваши бранные оболочки в относительном порядке содержать. Но вы ведь с Даниловым желаете, наверное, когда-нибудь в них вернуться? Не отвечай, вижу, что хочется – этот Советский Союз образца пятьдесят девятого года надоел тебе хуже горькой редьки. Так вот, доложу тебе: благодаря напряженной работе наших ученых и, не буду скрывать, средствам олигарха Корюкина появилась возможность, чтобы и ты, и твой хахаль туда, в свои тела, домой, вернулись. Как и я сам за вами надеюсь последовать, конечно. Не стану тебе рассказывать физику или

химию процесса – сам не до конца понимаю, – но возможность такая появилась. Но для начала нам с тобой придется здесь немножко поработать.

– Поработать? В каком смысле?

– Пошлифовать историю. Подрихтовать ее. Привести к новому знаменателю.

– Что вы имеете в виду?

– То самое и имею. То, как развивалась наша страна в последние шестьдесят-семьдесят лет, очень многих в начале двадцать первого века не устраивает. Посему принято решение, на самом высоком уровне, кардинально изменить историю России.

– А что не так?

– В то время как ты дезертировала в прошлое, у нас там, в двадцать первом веке, очень неприятные вещи происходят. Ужасные, можно сказать.

– Что? Атомная война?

– Слава богу, нет. Хотя в каком-то смысле – хуже.

– Что?!

– Для начала: на Земле разразилась страшная эпидемия. Называется коронавирус или ковид-девятнадцать. Сначала ей внимания не придали: вроде обычный грипп, как бывали разновидности, типа птичьего или свиного, но только он может от человека к человеку передаваться. Грипп оказался очень заразный. Пошел из Китая и довольно быстро распространился по всему свету. И главное, что его отличает: высокая смертность. Легкие у больного просто превращаются в труху. Десятки миллионов заболевших по всему миру. У нас в России – миллионы. И дело на том не останавливается. Сначала всех просто на карантин посадили: сидите дома и не выходите никуда. Потом видят: экономике трындец приходит. Да и вакцина вроде появилась. Но все равно по стране ежесуточно по двадцать тысяч новых заражений все равно происходило. А потом вдруг вирус мутировал, и появился новый ковид – двадцать один. Летальность от него была низкой, однако люди страдали тяжело и долго, несколько месяцев. Почти все выздоравливали, однако ускорить поправку никакие лекарства, ни антибиотики, ни антималярийные препараты, ни вакцины не помогали. Температура держалась несколько месяцев, по всему телу – язвы и страшная боль – везде. Словом, все в точности как в Откровении Иоанна предсказано: «Из дыма на землю вышла саранча; ей была дана та же власть, что дана на земле скорпионам... И не было ей позволено убивать их, а только мучить в течение пяти месяцев... В те дни люди будут искать смерти, но не найдут ее, они будут жаждать смерти, но бежит от них смерть»⁸. Да, и еще: та болезнь оказалась чрезвычайно заразная, и если заболел кто-то в семье или в коллективе – гарантированно поражала всех ближних.

– И вы, Сергей Александрович, переболели?

– Называй меня Александром Тимофеевичем, как по документам... Нет, я не заболел. Нас тогда сразу перевели на казарменное положение, мы сидели круглые сутки в комиссии, в нашем бункере. А вот Олечка моя и дочка – цапанули... Ситуация была отчаянная: госпитали забиты, новых пациентов принять не в состоянии. Все несчастные сидят – или, точнее, лежат по домам. Дойти до магазина невозможно, тяжело да и запрещено. Только социальные службы разъезжают, развозят продукты и кое-какие лекарства, болеутоляющие. По всей стране – вспышка самоубийств. Люди из окон бросаются, травятся газом... Работать никто не может, промышленность и сельское хозяйство остановились. Начались перебои с продуктами. Грабежи, мародерство... Наконец к двадцать второму году и эта пандемия прошла. Ну, как прошла? Все равно заражения случались, но самый пик миновал. Понемногу начали восстанавливать народное хозяйство. И тут, что называется, третий ангел вострубил. Практически одновременно, на протяжении двух-трех суток, произошли фатальные аварии на энерго-ядерных объектах во всем мире. У нас в стране сразу на четырех атомных электростанциях.

⁸ Откровение Иоанна. 9:3–6, здесь и далее в современном русском переводе Российского библейского общества.

На Ленинградской, Курской, Смоленской, Кольской. Взрывы примерно такой же мощности, как в Чернобыле и на Фукусиме. Вся европейская часть страны превратилась в настоящий ад. Уровень радиации такой – для того чтобы выжить, сидеть надо по домам, с закрытыми окнами и дверями. На улицу выходить – только в защитном костюме. Но все равно практически все источники воды оказались отравлены. Многие жители крупных городов просто бежали в Сибирь, на Дальний Восток – любыми способами, на поездах, на машинах. За Уралом АЭС в России не существует, поэтому и уровень радиации там оказался в норме. В Сибири начинали жить буквально на голом месте: занимали заброшенные советские пионерлагеря, пансионаты, военные городки. Или, как когда-то кулаки-спецпереселенцы, валили тайгу, расчищали поляны, рыли землянки... Помощи ниоткуда ждать не приходилось, пострадали практически все. Катастрофы случились по всему миру: США, Индия, Южная Африка, Япония, Аргентина, Китай... Около сорока аварий за пару дней. Потом провели расследование, плюс арабские террористы сами выступили: да, это мы мстим всему остальному миру, слишком богатому и самодовольному. Им удалось нащупать фатальные уязвимости в компьютерной безопасности АЭС и вскрыть их. Однако у цивилизованных стран в тот момент не оказалось сил и средств, чтобы найти и покарать террористов – настолько все оказались заняты своими проблемами. Карточки ввели практически на все продукты питания, на питьевую воду. Армия и спецслужбы взяли на себя восстановление и наведение порядка. Началась очень сложная, тяжелая работа по дезактивации городов и земель. И вот тут у нас в стране появился *он*. Мессия. Точнее, антимессия. Антихрист. Притом что он начал помогать и исцелять. И это *реально работало*. Вот представь, как это выглядело. *Он* въезжает в очередной город. Его радостно приветствуют толпы – в основном, конечно, с балконов, потому что выходить наружу боятся, но кое-кто в защитных костюмах и с улиц ему осанну поет. В открытом старом «ЗИСе» этот тип объезжает улицы города. Он везет с собой «икону» – огромное изображение полуобнаженной блудницы в пурпурном плаще, сидящей на красном звере с семью головами и десятью рогами, покрытом кощунственными именами. На голове у женщины повязка: «Вавилон, великая столица, мать развратниц и мерзостей земли», в руке – золотой кубок, наполненный мерзостями ее разврата⁹. Все – по Писанию. Так вот этот тип с шутовским благословением и ужасной «иконной» проезжает по улицам, к примеру, Курска – и немедленно радиационный фон в городе, ранее зашкаливающий, приходит в норму. Очищается вода. А те из больных, кто лично приветствовал «благодетеля» и страдал от ковида-девятнадцать, двадцать один, или от поражения радиацией, – чудесным образом исцеляются. Разумеется, наше с тобой учреждение, а именно *комиссия*, занимающаяся всем загадочным и непознанным, пыталась выяснить: *как* он все это делает? Как это вообще возможно? Как работает? Проводили множество исследований, но никакого внятного ответа ни мы, ни привлеченные нами ученые не нашли. Оставалось только считать случившееся чудом.

– Дайте угадаю, – перебила Варя. – Звали того «мессию» Елисеем Кордубцевым?

– Да, ты совершенно права, – вздохнул полковник. – Тот самый тип, юный красавчик, которого мы брали в разработку в две тысячи семнадцатом и который убил Ваську Буслаева, а потом бесследно исчез¹⁰.

– Значит, он все-таки вынырнул и стал пакостить... – задумчиво протянула девушка.

– Да, и именно таким чудесным образом. И на радость восторженному населению, Кордубцев самолично стал объезжать наши города и веси. Разумеется, средства массовой информации ситуацию замолчать не смогли, и его рейтинги стали зашкаливать. И в конце концов он явился в Москву.

⁹ Откр. 17:3–6.

¹⁰ *Подробнее об этом* – см. в романе Анны и Сергея Литвиновых «Успеть изменить до рассвета».

– Значит, Антихрист снова выплыл на поверхность не в две тысячи тридцатом году, как виделось моему Данилову, а раньше и при более суровых обстоятельствах?

– Да, тут твой любовничек слегка ошибся... В столице, конечно, Кордубцева приветствует море народа, радиация снижается, больные исцеляются. Он поселяется в президентском люксе гостиницы «Москва», дает интервью избранным средствам массовой информации, которые всячески, по привычке прогибаться перед сильными мира сего, начинают его вылиывать. И тут Кордубцев представляет свою... не знаю, как назвать... Бабу, короче, если мягко. Значитца, во время пресс-конференции входит в комнату с телекамерами во плоти та самая девка, изображение которой он возил по городам в открытой машине. Она по-прежнему полуобнажена, в пурпурном плаще, с титками наружу. В руках – золотой кубок с какой-то мерзостью. Кордубцев ее обнимает, целует в уста. И при этом где-то, общаясь с прессой, называет ее своей матерью. Где-то – сестрой. Где-то – женой. Все это совершенно расчетливо и намеренно. Потому что основа его философии, с которой он выступает и которую, чванясь, выпячивает с экранов телевизоров и интернет-каналов, такая: ВСЕ ПОЗВОЛЕНО. Эти слова становятся его рекламным слоганом, лозунгом: «Можно – всё!» Раз он может творить все что угодно, то и его последователям разрешается все на свете. Все заповеди – и Моисеевы, и Христовы, и Моральный кодекс строителя коммунизма – отменяются. «Разбуди внутри себя зверя!» Это еще один из его слоганов. И Кордубцев, не скрываясь, стремится к власти – к высшей власти. Каким-то непостижимым образом под него ложится и наш тогдашний гарант, он срочно принимает поправку к конституции, согласно которой президентом страны можно стать в возрасте не тридцати пяти, как всегда было, а в двадцать пять лет – ведь Кордубцев молод.

– Да-да, я помню, – прошептала Варя, – Елисей – девяносто восьмого года рождения.

– Его приглашают выступить на своих заседаниях сначала Госдума, потом Совет Федерации, устраивают пятиминутную овацию, восторженные крики. Но главное – народ поддерживает Кордубцева безоговорочно. Опросы показывают: рейтинг зашкаливает, выше пресловутых восьмидесяти шести процентов. На ближайших выборах он точно станет президентом. А его идея – «Все позволено» – тоже набирает все большую популярность. По стране прокатывается волна вакханалий, жестоких садистских убийств, изнасилований. Больше того: Кордубцев отправляется со своей шалавой выступать в Нью-Йорк, с трибуны ООН, и там тоже снискивает огромный успех. Все страны наперебой приглашают его с визитом. Многие выступают за то, чтобы именно он возглавил Организацию Объединенных Наций. Или стал даже, в нарушение всех местных законов, президентом США... Однако Кордубцев возвращается в Россию творить свои беззакония у нас.

– Какой кошмар... – прошептала Варя.

– В стране у нас его слишком многие поддерживают. Да, образовалось движение сопротивления – и я в нем состою. Но оно, к сожалению, малочисленное и не иначе как по наущению Кордубцева преследуется властями. Пока научно не доказано, однако в рядах Сопротивления крепнет мысль: все беды, что обрушились в последнее время на страну и мир, возникли только для того, чтобы Антихрист сумел ярко продемонстрировать свои таланты. Он же эти беды *и вызвал*. Он – *их первопричина*. А если не было бы в мире Кордубцева и его девки – не случилось бы и трагедий: ковида-девятнадцать, двадцать один, катастроф на АЭС... Бороться против лжемессии страшно сложно, народ его любит. Поэтому принято решение: ликвидировать его *в прошлом*. Как ты помнишь, одна доза «препарата Корюкина» осталась после твоего и даниловского дезертирства в сейфе нашей *комиссии*. Ее стали изучать и далеко продвинулись. Был создан аналог, и его испытал я. Как видишь, успешно. Возможно, скоро появятся и другие путешественники во времени. Вдобавок наши ученые серьезно продвинулись в работе над тем, как нам вернуться в свое время. Я запомнил химическую формулу и ноу-хау: как изготовить вещество, которое можно составить из доступных здесь реактивов, и вернуться нам троим: тебе, мне и твоему Данилову. В будущее, в котором, я надеюсь, не станет Кордубцева.

– Значит, ваше задание: ликвидировать ныне живущего здесь, в Москве – пятьдесят девять, деда Кордубцева?

– И не только деда. Не только. Всю его семью. И обоих дедов его, и обеих бабок. Все четверо – ныне в пятьдесят девятом – проживают в СССР.

– Вы предлагаете казнить людей без суда? И безо всякой вины? – прошептала Варя.

– Иногда приходится идти на жертвы, – сухо отвечал Петренко. – Знаешь понятие: запланированные потери. И сопутствующий ущерб.

– А вы, Сергей Александрович, из какого года сюда прибыли?

– Из две тысячи двадцать четвертого.

– Почти семь лет там, в будущем, без меня прошло.

– Да, надолго ты, Варя, дезертировала. Ничего, у тебя будет шанс искупить.

– Значит, убивая в пятьдесят девятом году ни в чем не повинных людей, вы спасаете Землю?

– Не Землю. До всей Земли руководству, да и мне, честно говоря, дела нет. И задача так не стоит. Мы должны спасти Россию. Точнее, Советский Союз. Ведь дело тут не только в Кордубцеве.

Во все время разговора они прохаживались по дорожкам Лефортовского парка, готовящегося к весне и расцветанию, Варя взяла Петренко под руку и чувствовала под своей ладонью его сильное предплечье. Здесь, в СССР-1959, тактильные контакты не особо приветствовались, тем паче меж противоположными полами. Никаких при встрече или прощании легкомысленных обнимашек-поцелуйчиков, как в 2017-м, который помнила Варя. Все по-серьезному – в крайнем случае можно обменяться крепким, товарищеским рукопожатием или максимум похлопыванием по плечу. С тех пор как Данилова *взяли*, девушка и припомнить не могла, когда оказывалась к мужчине столь близко. У нее даже голова слегка закружилась.

– Каким же образом вы СССР спасете? – спросила она.

– Конечно, – впрямую не отвечая на вопрос, продолжил Петренко, – с точки зрения *организации перемен* лучше было оказаться где-нибудь в лете пятьдесят третьего. Когда Хозяин в марте пятьдесят третьего умер, начались драчка за власть и неопределенность. Тут бы нам и ударить. Но что делать: выяснилось, что портал, ведущий в прошлое, открывается примерно в конце пятидесятых. Поэтому надо трудиться над тем, что есть. Времена, как говорится, не выбирают.

– И что еще, кроме Кордубцева, вы желаете переменить? В каком направлении?

– Задача перед нами стоит, Варвара, такая: возврат Советского Союза к жесткому социализму. То есть реставрировать тоталитарное государство сталинского типа.

– Но зачем?! – ошеломленно выговорила девушка и даже локоть свой из-под петренковской руки вырвала, отпрянула и глянула исподлобья.

– Знаешь ли ты, Варя, какие государства на планете менее всего от страшных вирусов пострадали? Не догадываешься? Я тебе скажу: Северная Корея и Туркменистан. Самые что ни на есть тоталитарные.

– Так это наверняка потому, что там правду скрывают. Не говорят о заболевших-умерших.

– А может, и хорошо, что скрывают, а? Меньше паники. Но главное-то иное. Из Северной Кореи, как ты знаешь, мало народу выезжает, а еще меньше въезжает. Никакого туризма, границы закрыты. Вот и вирусов нет.

– И вы хотите, чтобы и здесь стало, как у Ким Чен Ына? Идеи чучхэ и все такое?

– Знаешь, идеи чучхэ все-таки лучше, чем помирать в мучениях, задыхаясь от ковида. Или от радиации.

Варя еще на шаг от полковника отступила:

– Нет! Я не хочу, как в Северной Корее!

– А чем плохо? Ни богатых нет, ни бедных. Ни олигархов, ни коррупции. Граница на замке. Никакой пошлости на ТВ и в Интернете. Плюс у нас, в отличие от корейцев, страна – обильная да богатая! Нефть, газ, металл, золото! Пашни, леса! Да мы в тысячу раз лучше их жить сможем! Главное только устроить: граница на замке. Чтобы выезжали не пятьдесят миллионов в год, как было в две тысячи девятнадцатом, а человек двести, как в начале пятидесятих: дипломаты и общественные деятели. А въезжают пусть не тридцать миллионов, как у нас в том же девятнадцатом, а пара тысяч отборных туристов из соцстран. И будем мы жить сами по себе, а мир – сам по себе. А как это можно устроить? Только реставрировав сталинизм.

– Кто это там у вас до такого додумался?!

– Решение принято на самом верху. И для нас с тобой оно является боевой задачей.

– Не хочу и не буду я делать так, чтобы мы как в Северной Корее жили!

– Варя, ты же знаешь свойство приказов: они не обсуждаются, они исполняются. Ты, конечно, можешь начать демагогию, что здесь, в ином теле, ты вроде как и не капитан спецслужбы, а я тебе отвечу: если вдруг откажешься, в свое время и в свое тело больше не вернешься. Ни ты, ни Данилов. А я – возвращусь. И распоряжусь, чтобы твое настоящее тело, пребывающее в коме в *нашем родном времени*, просто отключили от систем жизнеобеспечения, да и все. И даниловское – тоже. И ты, пожалуйста, не думай, что тебе, на крайний случай, удастся здесь, в прошлом, прожить-отсидеться. Не будет такого. Как наши исследования показали, если тело путешественника во времени, пребывающее в коме в нашем времени, в двадцать первом веке, вдруг умирает – его *душа* или *сущность* в прошлом тоже прекращает свое существование. В их тела возвращается подлинный хозяин. В твое здешнее – твоя родная бабка. В даниловское – его отец. А вам обоим – ни тебе, ни ему – не останется места ни в каком из миров. Прости, но ничего, как говорится, личного, просто служба. Ты ведь давала присягу.

Варвара глядела исподлобья, покусывая губу. С Петренко она больше не сближалась, шагала параллельным курсом на расстоянии пары шагов.

– И насколько я знаю, – продолжал полковник, – твоего возлюбленного здесь *взяли*? Он сидит неизвестно где и по какому обвинению? Так?

– Так.

– Будешь работать со мной – у тебя появится шанс его вытащить. А нет – значит нет.

– Типический случай шантажа, – проговорила Варя сквозь слезы.

– Шантажа, говоришь? – ошетинился Петренко. – А как ты хотела? Мало ли что *мне* в задании не нравится? Но приказ есть приказ. И как сказано в уставе, исполнять его надлежит беспрекословно, точно и в срок.

– Лучше б вы вообще здесь не появлялись! – в сердцах выкрикнула она.

– Конечно, для тебя лучше. Ты жила прекрасной жизнью дезертира: ела, пила, любила в свое удовольствие. Но когда-то и кому-то надо же было тебя призвать к порядку. Ладно, Кононова, подумай пока над обстановкой, над тем, как лично ты можешь быть полезной для выполнения боевой задачи. Что предстоит сделать, чтобы добиться наилучшего результата. А цель у нас очень простая: запустить перестройку в СССР немедленно, сейчас. Но совсем не такую, как Горбачев в восемьдесят пятом затеял. И никакой второй волны оттепели, которую Хрущев с твоим Даниловым планировали, не будет! Изменения пойдут в обратную сторону: будем жестко закручивать гайки, устанавливая казарменный социализм сталинского типа. Тем более за шесть лет, прошедших после кончины Батки, от его парадигмы далеко не ушли. Вот и подумай сегодня на досуге, как нам всем к порядку *вернуться*...

– Сергей Александрович!.. – воскликнула девушка.

– Александр Тимофеевич, – поправил собеседник.

– Да, хорошо, Александр Тимофеевич, но ведь вы же совсем не сталинист! И никогда им не были! Вы всегда, насколько я помню, демократом слыли, в самом хорошем смысле этого слова, либералом. Против операции «Рентген» возражали, то есть ликвидации во имя высших

интересов без суда. Что же с вами стало теперь? Или на вас так тело собственного отца влияет, который, похоже, отпетым сталинистом был?

– Взгляды каждого человека имеют свойство трансформироваться. Иной раз минус меняется на плюс. И если б ты сама своими глазами видела, что происходит у нас там, в будущем, думаю, тоже распростилась бы с интеллигентским слюнтяйством. Посмотрела бы на людей, которые еще вчера были бодры и веселы, а сегодня задыхаются на больничной койке, пожила бы в мире, где чистая, незараженная вода – редчайшее благо и ее потребление нормируют из расчета три литра в день на человека... Думаю, и твои бы взгляды трансформировались в сторону гораздо большей строгости – к себе и окружающим. Ладно, Варвара, дорогу до остановки сама найдешь. А завтра мы с тобой встретимся здесь же, в парке, и наметим порядок дальнейших действий. В десять ноль-ноль чтоб была тут как штык.

– У меня завтра лекция.

– Хватит этих дезертирских, расслабляющих разговорчиков, Кононова. «Лекция!» – передразнил он. – Давай соберись, товарищ капитан. – Полковник поднес ладонь к тулье летней шляпы, словно отдавая честь, а потом четко развернулся кругом и отправился к выходу из парка.

Полночи Варя проплакала.

Все думала: «Как мог он, Петренко, – такой либеральный, вдумчивый – подписаться выполнять людоедский приказ? Убивать ни в чем не повинных людей – предков Кордубцева? Как он может пытаться вернуть сталинский режим? И еще меня в это втягивает! Но я не хочу, чтоб я сама, родители мои и дети жили как в Северной Корее! Лучше десять тысяч раз погибнуть от вируса или радиации, чем целую вечность задыхаться в лживом, несвободном государстве! Без поездок за границу, свободных СМИ, частных кафе и гостиниц!»

Она прожила здесь, в СССР-1959, больше года и заметила, как постепенно распрямляются люди, становятся свободнее, все откровеннее обсуждают все на свете, чаще и радостней смеются. И как их прикажете загнать обратно, в сталинское корыто?! Она сама не хотела этого – и они не захотят! Хотя с другой стороны, кто народ особо спрашивает? Нас же не спрашивали власти ни о чем в двухтысячные и десятые годы, когда потихоньку, по кусочку от нашей свободы откусывали!

С другой стороны: совершенно не факт, что у Петренко получится. А даже если получится: вот закрутят гайки в пятьдесят девятом году, и что это даст спустя шестьдесят лет? Может, эффект будет совершенно обратный? Россия – страна своеобразная и непредсказуемая, может, их усилия принесут к веку двадцать первому нечто совершенно невообразимое, противоположное?

В общем: не можешь избежать насилия – расслабься и постарайся получить удовольствие. Мало она в своей жизни идиотских приказов от начальства слышала? Да сколько угодно! И что оставалось? Крепко сжать зубы и с отвращением выполнять. А что еще военнослужащий может?

Вдобавок Петренко прямо говорит: я спасу Данилова и смогу тебя и его переправить назад, в будущее, в привычное тело. А нет – действительно отключат их от аппаратов, и прощай мечта вернуться. Да и вообще: прощай, жизнь.

Значит: ничего не остается, как выполнять волю Петренко, плясать под его дудку. Примирившаяся с этой мыслью, Варя наконец заснула.

Конечно, не следовало ни в коем случае саботировать указания Петренко. Сказал: «быть как штык» – и она послушно прибыла к десяти ноль-ноль в Лефортовский парк. А там и начальник в теле собственного папаши, в том же костюмчике и галстучке, при той же шляпе и ботинках, правда, рубашечку сменил.

– Товарищ полковник, – спросила девушка, – расскажите подробней *о себе здесьнем*.

– Ты хорошо знаешь, как препарат олигарха Корюкина работает. Твоя сущность перемещается в прошлое и оказывается в теле собственного предка. Ведь ты – в теле своей бабушки пребываешь?

– Так точно, – вздохнула она.

– И зовут ее тоже Варвара – правильно?

– Да, меня когда-то в ее честь назвали.

– Очень удобно, нет путаницы с именами. Только ты по фамилии Семугова, верно?

– Так точно.

– А я здесь и сейчас Александр Тимофеевич и пребываю в теле собственного отца. Он ведь у меня военный. Служит в Ленинградской области. Кстати, как и ты, по званию капитан. Я уже скоро три месяца нахожусь в его теле. В окружном госпитале в Ленинграде лежал, симулировал, чтобы добиться отставки. Очень кстати оказалось, что Хрущ совсем военных не ценит, армию сокращает. Думает с врагами одними ракетами справиться. Меня поэтому в рядах и не удерживали. Пока я нахожусь в отпуске, но скоро поеду назад, в городок, в расположение части – вчистую увольняться. Видишь, военную карьеру своему собственному отцу ломаю ради интересов дела. Ведь он у меня служака был еще тот. Если помнишь: генералом в отставку в девяностом году вышел. А я ему, получается, подкузьмил, напакостил! Но мне, конечно, удобнее здесь быть гражданским, а никак не военнотружашим, чтобы задание Центра выполнять.

Настроен Петренко оказался благодуще, чем вчера. А тут еще и весеннее солнце сквозь юную листву светило, ласкало лица. Парочка уселась на лавочку. Со стороны – совершенно явное свидание: мужчина в самом соку, состоявшийся, под тридцать, и юная трепетная девушка, младшекурсница. Но послушали бы случайные наблюдатели разговоры, что эти двое вели, – хватило бы и для психушки, и для срока за антисоветчину.

– Кто же это вас, товарищ полковник, сюда, в прошлое, надумал со спецзаданием отправить? Генерал – винторогий козел – Марголин?

– Я ж тебе говорю: решение принималось на самом верхе. Все решал Сам. Папа.

– И что же вы собираетесь здесь творить? У вас есть план?

– Пока эскизные наметки.

– Поделитесь со мной?

– Конечно, кукурузник Хрущев на роль диктатора и закручивателя гаек никак не годится. Вблмошный, непредсказуемый. Вдобавок слишком он людей любит, жалеет их. Все это масштабное жилищное строительство, что он развернул, бассейн «Москва» и Дворцы пионеров, а также возвращение безвинно репрессированных... Нет, с нашими задачами по реставрации он никак не справится. Никиту надо убирать. И чем жестче – тем лучше. Можно расстрелять для остратки. А если нет – так загнать за можай, чтоб не только мемуары не смог писать, как позволили ему в реальной действительности¹¹, а даже пискнуть не смел.

Покоробило Варю, конечно, заявление петренковское: «Можно расстрелять для остратки». Совсем на любимого начальника не похоже: всегда он такой вдумчивый был, интеллигентный, даже трепетный. Может, психофизика – то есть новое тело – сказывается? Возможно, его отец действительно беспринципным подлецом был, настоящим сталинцем? И теперь внешняя оболочка, то есть тело, меняет внутреннее содержание, душу и взгляды подселенца? Не случайно она и сама замечала, что с тех пор превратилась в восемнадцатилетнюю советскую девчонку: стала гораздо более целомудренной, робкой, несмелой. Или Петренко

¹¹ После отставки в 1964 году Хрущев работал над мемуарами, которые ему удалось переправить на Запад – они были опубликованы за границей в 1970 году.

настолько будущее с вирусами и радиоактивными авариями напугало, что он поменял взгляды на диаметрально противоположные?

– Кардинальное решение – избавиться от Никиты Сергеича, – вздохнула девушка. – Только как мы его с вами вдвоем выполнять будем?

– Подумаем. И заодно надо решить – на кого Хруща заменить.

– Может, на маршала Жукова?

– Он кандидатура подходящая, и диктатор из него бы вышел отменный – в войну ни чужих, ни своих не жалел генерал. Но увы! Жуков нынче – сбитый летчик. В ноябре пятьдесят седьмого отправлен в почетную отставку, живет на даче под постоянным призором КГБ. Все разговоры пишутся, встречи фиксируются. Стоит только нам с тобой у него на горизонте появиться – сразу рапорт пойдет, разбираться станут: кто такие, ради чего к отставнику приходили? Спалимся, попадем в разработку, свяжут нам руки. Да и не может Жуков сейчас ничего. Ни власти у него, ни силы нет. Года бы три назад, до отставки, он бы развернулся, конечно, с нашей помощью!

– Кто тогда?

– Есть такой председатель КГБ Александр Шалыпин. Кличка Железный Шурик. В известной нам реальности был одним из организаторов заговора против Хрущева, случившегося в шестьдесят четвертом. Многие именно ему и его дружку, комсомольскому лидеру Александру Семизорову, пророчили, что они возьмут настоящую власть в стране. Шалыпин и тогда, и тем более сейчас человек молодой, ему нынче всего сорок один! Вся жизнь впереди, еще лет сорок, до нового века, сможет править, если у нас с ним все получится! А в двухтысячном найдется кому его сменить. Но в существующей действительности после переворота шестьдесят четвертого потихоньку, год за годом, Брежнев и его камарилья оттеснили Железного Шурика от рычагов управления и в итоге сместили: сначала дали ничего не решающий пост главаря советских профсоюзов, а потом, в семьдесят пятом, и вовсе замминистра профтехобразования. А после вывели на пенсию.

– Но если он один раз не сумел власть взять – сдюжит ли снова?

– А мы с тобой рядом с ним будем. И объяснять, рассказывать станем – что к чему и почему. С нашей помощью выйдет в Бонапарты.

– Как вы до него доберетесь, товарищ полковник? Председатель КГБ – нешуточная должность, чтобы простые смертные, какими мы с вами тут являемся, до него дотянулись.

– Правильно! Надо разработать оперативную комбинацию. Не боги горшки обжигают. Охрана здешняя – детский сад, ясельная группа по сравнению с нашей. А по воинскому званию этот Железный Шурик, даром что председатель КГБ, – всего-то полковник.

– Как и вы.

– Вот именно.

– Но вы-то здесь – всего лишь капитан. Причем армейский.

– Неважно. Мы *должны* до него добраться, Варя, – внушительно отвечивал Петренко.

– А что для нас важнее? Переворот в стране или убийство предков Кордубцева?

– Убивать каждый может. Вот революцию на ровном месте устроить – не шутка.

Советская печать:

Слава Ленину, Партии славу пою» (стихи, перевод с узбекского)

Ивановы и Джонсы хотят мира.

Семилетнее задание по развитию сельского хозяйства выполним за пять лет. Производство мяса в 1959 году в колхозах и совхозах увеличим в 1,7 раза!

Распространению книг – повседневное внимание.

Москва – Ленинград за 55 минут. «Вчера начались регулярные полеты реактивных самолетов «Ту-104Б» между Москвой и Ленинградом...»

Безработица – постоянный спутник капитализма.

В Дубне создан новый тип ускорителя заряженных частиц.

О движении третьего искусственного спутника Земли. «...18 апреля спутник можно наблюдать перед восходом солнца от 44 до 64 градуса северной широты...»

* * *

Изо всех допросчиков Данилов более всего симпатизировал тому, кто про космонавтику разузнавал. Смешной, встрепанный, с обкусанными ногтями. Но чувствовались притом в нем незаурядный ум и внутренняя свобода. Жаль только, что ни о каком сближении между ним и арестованным даже речи быть не могло. Алексей расспрашивал его, просил, чтоб тот назвал хотя бы свое имя, – бесполезно. Не говоря уже о других персональных данных: сколько лет, где работает. Но все равно – почему-то хотелось этому человеку доверять.

Может быть, потому, что больше было некому.

В допросной как было дело организовано? Сидели за столиком, прочно принайтванным к полу и стене. Из него торчали два здоровенных старинных микрофона и могучий тумблер – о торжество советского дизайна! Провода от них в оплетке уходили под столешницу и исчезали в стене. Понятно: остро модный гаджет пятидесятых годов – магнитофон. Когда разговор начинался, *Встрепанный* (или другие допросчики) эту рукоятку поворачивал – значит, началась запись, смекал Данилов. Какие-то пометки *Космонавт* (еще одно прозвище) как курица лапой делал на смятых листах бумаги, временами просматривал их, снова засовывал в карман пиджака. Порой заодно перекидывал туда-сюда прочее содержимое: скомканный, грязноватый носовой платок, папиросы «Север», коробок спичек, расческу без двух зубцов. Иногда мелькало и удостоверение: зеленая картонная книжечка. Вот на нее-то Данилов и нацелился. В одно из перекидываний он сделал резкий жест перед носом дознавателя, тот отпрянул, и ксива шлепнулась на пол. Заключение немедленно верноподданнически бросился к упавшему документу, поднял его и с легким поклоном подал хозяину. Но в момент, когда передавал, успел движением фокусника раскрыть и прочесть наконец фамилию хозяина: аккуратнейшим почерком от руки было выведено – Флоринский. И даже имя заметил: Юрий.

Этот инцидент они оба предпочли замять: то ли видел арестант корочки, то ли нет – поди докажи! А инициировал бы Флоринский расследование, ему первому могли всыпать за небрежность.

Фамилия сразу показалась узнику знакомой.

Потом, когда его вернули в камеру, Данилов стал целенаправленно вспоминать – где и при каких обстоятельствах он это имя встречал. И уже утром, на грани пробуждения, вдруг вспыхнуло: да ведь это же один из соратников Королева Сергея Павловича! О нем и Черток в своих воспоминаниях упоминает, и в жизнеописании великого конструктора о нем говорится! И ведь судьба Флоринского незавидна: погиб на Байконуре при недельной катастрофе, испытании ракеты Р-16 в октябре 1960 года.

Встрепанный приходил к заключенному каждый четвертый день – за исключением субботы. По субботам был банный день: Данилова выводили принимать душ. Флоринский всегда приезжал-приходил с опозданием – видимо, так сказывалось его свободолюбие. Минут на

пятнадцать-двадцать, но постоянно. Данилов терпеливо ждал в допросной. Вот и в тот раз появился в девять двадцать, мыча и потирая руки. Воскликнул: «Приветствую!» Уселся боком к столику, потянулся к тумблеру, но Алексей его остановил. Конечно, существовала возможность, что помимо *официального* магнитофона их слушает и пишет кто-то еще. Но все равно – рискнуть стоило. В конце концов, что ему, подследственному по расстрельной статье, терять!

– Подождите! – остановил он Флоринского. – Хочу вам рассказать что-то важное!

Тот замер.

– Вы ничего не расспрашиваете меня о том, что с космонавтикой стало в мое время, к семнадцатому году двадцать первого века. Вы ведь космосом занимаетесь, я правильно понимаю? И с Королевым Сергеем Палычем на дружеской ноге? Вам ведь сейчас под пятьдесят, так ведь? И вы, наверное, с ним еще в Коктебеле планеры пускали или в ГИРДе ракеты строили? – Допросчик мыкнул, но не опроверг – заключенный обо всем догадался правильно. – Конечно, вы лично вряд ли до двадцать первого века доживете, дай вам Бог здоровья и долголетия. Но вам же не безразлично, куда ваша любимая космонавтика в итоге выринула. Вы ведь, наверное, сейчас, в пятьдесят девятом, уверены, что к две тысячи семнадцатому году, к столетию революции, советский человек если не к Юпитеру полетит, то Марс покорит точно. А я вам скажу: нет. С космонавтикой в России будет жопа. Тот могучий задел, который вы с Королевым и прочими корифеями прямо сейчас создаете, сыграет свою роль, и ракеты на орбиту Земли продолжат летать. Но – и только. Представьте: с Тюратама в шестидесятые годы до ста космических запусков ежегодно. А сейчас – меньше двадцати. И мы уже на третье место скатились. Нас не только США в космосе обогнали, но и Китай. А последнее реальное инновационное достижение восемьдесят восьмым годом датируется, когда с помощью сверхтяжелой ракеты «Энергия» мы запустили многоразовый космолет «Буран». Но он ведь всего однажды слетал, а потом всю эту программу власти СССР и свободной России похерили. К чему это говорю? Я ведь, знаете, тоже успел при Советском Союзе пожить, и у нас анекдот рассказывали. Сидят в мордовской зоне политзаключенные. Ну, и спрашивают друг друга: за что парисься? Один говорит: я анекдот при партторге рассказал. Второй: а я антисоветские листовки расклеивал. А третий: а я водопроводчик в Кремле. И вот меня вызывают туда, а я и говорю: ничего тут не поделаешь, систему надо менять.

Флоринский криво улыбнулся.

– Это я к чему: здесь, в СССР пятьдесят девятого года, что-то надо менять. По-крупному – иначе все достижения социализма прахом пойдут. Куда-то не туда Никита Сергеич выринувает. А когда его снимут – и довольно скоро, через пять лет! – еще дальше все покатится. Вообще развал начнется и бардак. Поэтому умным людям в СССР надо что-то предпринимать немедленно. Вот вы ведь наверняка с Сергеем Палычем знакомы. А он теперь большую власть взял. И друзья у него высокопоставленные. Доложите ему обо мне! Напомните: как я в пятьдесят седьмом к нему в Подлипках на улицу Коминтерна приходил, пытался предупредить о его будущей судьбе¹². Подумайте с ним: как эту нынешнюю камарилью от трона отбросить и начать рулить страной в верном направлении. И еще я вам лично скажу: помните, я говорил об ужасной аварии в Тюратаме в шестидесятом году? Так вот: вы там тоже будете присутствовать на злосчастной пятьдесят восьмой площадке. И погибнете. Если не сумеете ту катастрофу предотвратить.

Встрепанный выразительно посмотрел на потолок камеры. Сделал знак, что, мол, возможно, не только официальным магнитофоном пишут все происходящее здесь. Потом тихо сказал:

– За предупреждение спасибо. Я внял. А по поводу твоего, парень, предложения устроить новую революцию и Сергея Палыча втянуть – знаешь, теперь я могу поверить, что ты из

¹² Подробнее этот эпизод описан в предыдущем романе серии «Успеть изменить до рассвета».

будущего. Здесь нас за последние тридцать лет запугали настолько, что, несмотря на оттепель, мало кто отморозился. А ЭсПэ¹³, не забывай, семь лет на зонах оттрубил, на Колыме половину зубов потерял. И была у него любимая присказка, когда случался какой-то прокол: «Шлепнут без приговора». Поэтому даже представить невозможно, что Королев на власть станет ножку поднимать. О тебе он, конечно, знает – и я ему еще раз сугубо доложу. Да об одном просить буду: освободить тебя из-под стражи, поселить где-то на воле, пусть под охраной – как немцев-ракетчиков пленных на Селигере держали, – и чтоб ты на постоянной основе нас консультировал. Вот единственное, что я тебе обещать могу. А про революцию ты забудь. И впрямь – шлепнут без приговора. И тебя, и меня заодно.

* * *

Когда они снова встретились с Петренко в Лефортовском парке, Варя прежде всего сказала:

– Нам надо постараться освободить Данилова. Три бойца – это в полтора раза больше, чем двое. Алеша нам нужен.

Полковник не стал оспаривать. Бросил:

– Что ты предлагаешь?

– Все равно нам придется выходить на Шалыпина. Надо сказать ему, чтоб лично допросил Алешу. Данилов ведь то же ему расскажет, что и мы. Заодно уговорим Шалыпина выпустить Данилова – председатель КГБ он или кто?

Начальник кивнул с совершенно непроницаемым видом.

– А как думаешь на Железного Шурика выходить?

Варя высказала идею, осенившую ее ночью:

– Шалыпин когда-то, в сорок первом, благословил на подвиг партизанку Таню, или Зою, согласно настоящему имени. Ту самую героиню восемнадцатилетнюю, которую фашисты под Москвой схватили, пытали и повесили. Благодаря тому он известен стал, Сталин его приметил, а Шалыпин продвинулся. Сейчас, в пятьдесят девятом, начальство доступней, чем в нашем двадцать первом веке. Будем настойчивыми – сможем до председателя КГБ достучаться. Давайте я дозвонюсь ему, представлюсь, к примеру, корреспонденткой «Комсомольской правды». Скажу, что мы готовим большой материал, Тане-Зое посвященный, и просим его об интервью. Когда Шалыпин согласится, я прибуду и по ходу дела женское обаяние пушу в ход. Если он возгорится, назначу ему встречу наедине, навешаю лапши, что ожидает его бездна наслаждений. Ему всего-то сорок один, мужчина в самом соку – неужели не клонет?! Мы с ним снова встретимся где-нибудь у него на квартире – и тут явитесь лично вы. И его завербуете.

– Идея хорошая, – покачал головой Петренко, – но неисполнимая. Потому как легко бьется. Вот представь: ты, допустим, даже дозвонишься до Шалыпина. А он после разговора с тобой наберет по «кремлевке» Аджубей¹⁴: «Скажи, Алексей Иванович, Варвара Семугова у тебя работает? Ах, нет такой? Значит, самозванка». И все, ты спалилась в первый же момент.

– Тогда, – упрямо продолжала гнуть свою линию девушка, – давайте я ему представлюсь студенткой Московского технологического института – каковой я и являюсь. Скажу, что мы музей, посвященный комсомолке Тане-Зое, создаем. Попрошу его поделиться воспоминаниями. А дальше все, как в первом варианте: медовая ловушка, в ходе которой появляется вы.

¹³ Так первыми буквами инициалов обычно называли Королева соратники.

¹⁴ Алексей Иванович Аджубей, зять Хрущева, в тот момент был главным редактором «Комсомольской правды». С 14 мая 1959 года возглавит «Известия».

– Тоже нехорошо. Потому что опять-таки разоблачается на раз. Один проверочный звонок в ректорат Техноложки: «У вас создается музей Тани-Зои? Ах, нет...» Еще и потрясут тебя, потягают: с какими такими целями пытались проникнуть к председателю КГБ?

– А у вас какие идеи появились?

– Есть кое-что, – начал излагать Петренко.

Надо было отдать начальнику должное: оперативная комбинация, придуманная им, отличалась разветвленностью и хитростью. И, как следствие, требовала большой подготовительной работы. Зато и результат сулила.

Советская печать:

Иосиф Нонешвили. Нет в жизни дороги верней (*стихи, перевод с грузинского*):

*Следят все народы
За жизнью свободной
В счастливом советском краю,
Сады вырастают на землях бесплодных,
Великие стройки встают...*

* * *

– Ольга Егоровна! – в дверь комнаты постучали. – К телефону! Вас! – И соседка добавила полголоса со значением: – Мужчина.

Оля чертыхнулась и набросила халатик. Почему так всегда? Только соберешься поужинать – в одиночестве, чтобы помолчать, отдохнуть от лекций, семинаров, сдач-пересдач, встреч, разговоров, заседаний кафедры, – обязательно кто-нибудь беззастенчиво влезет в ее личное пространство! Пробежала широким шагом по длинному полутемному коридору коммуналки, взяла трубку и ответила чуть более раздраженно, чем полагается:

– Я слушаю вас!

Голос действительно мужской. Незнакомый, но веселый, открытый, располагающий к себе. А фоном к нему – шум города, гудки автомобилей: явно из автомата звонит товарищ.

– Ольга Егоровна, я послан к вам по заданию лучшего моего кореша, прекрасного режиссера с киностудии «Леннаучфильм». Очень он просил вам передать теплый и горячий привет, а также небольшой сувенир с берегов Невы.

– Что за режиссер? – по-прежнему сухо, но слегка, впрочем, смягчаясь, ответствовала женщина. – И что за сувенир?

– О, на последний вопрос я вам не отвечу. Пока. Потому что сюрприз. А зовут моего лучшего кореша Иван Головкич.

– Что-то не припоминаю такого.

– А он вас очень даже хорошо помнит! Ведь он у вас учился и сохранил самые прекрасные воспоминания и о вас лично, и о ваших лекциях, и о том, как вы ему на втором курсе четверку по зарубежной литературе натянули – в то время как он, по его же откровенному свидетельству, был ни в зуб ногой и если не единицы, то двойки тогда точно заслуживал. Но выучился и большим человеком стал, сохранил о вас неизменную память и глубокую благодарность. – На минуту показалось, что незнакомец если не пьян, то слегка выпивши – под газом, как говорится. И настойчив, как бывают обычно пьяненькие. – Так что я вам, Ольга Егоровна, передачку ту от него сейчас привезу.

– Ох, нет. Мне сейчас гости совершенно некстати.

– Да не о гостевании речь! Взял-передал, если в дом не пустите, то прямо на пороге.

– Да не нужно мне ничего, – почти сердито проговорила Ольга Егоровна. – Оставьте вы себе этот подарок, да и дело с концом!

– Да что вы! Как можно! Ведь я в данном случае – просто курьер. Фельдъегерь, можно сказать. Как я вдруг не передам? Да вы не знаете, что я привез, и насколько ценное!

– Тем более, – женщина оставалась суха и непреклонна. – Вы меня ставите в неловкое положение.

– Да вы знаете, как Ванька обидится? На меня, да и на вас. Он чрезвычайно вас уважает. Он ведь мне буквально все уши прожужжал. Ах, говорит, какая у меня во ВГИКе преподавательница была по зарубежке! Красивая, статная, хотя профессор. А уж умница необыкновенная! Ее лекциями, говорит, все заслушивались. Самый, как утверждает, светлый момент во всей учебе.

И хоть явным преувеличением выглядело то, что нес странный человек, а все равно стало приятно.

– Давайте я к вам подскочу – не задержу вас надолго.

– Нет-нет. Я не готова. И... и занята.

– Хорошо, тогда давайте завтра, – сохранял прежний напор мужчина. – Ведь завтра суббота, короткий день.

Больше того: назавтра Оле вовсе не надо было в институт – ни лекций, ни семинаров. И никаких особенно планов, кроме разве что хозяйственных: белье замочить-постирать да супу себе наварить на неделю. Теперь, когда ей холодильник подарили, с едой вообще никаких проблем: готовое может и неделю простоять, не испортится, даже летом или поздней весной, как сейчас. Она промолчала, обдумывая предложение товарища, и переспросила:

– А вы-то кто? Как вас величают?

– Зовут меня Александром, а друзья – Сашкой или Шурой, но речь сейчас не обо мне, а о передаче, мне порученной. Посему я подъеду, к примеру, завтра в шесть часов вечера.

Мелькнуло: можно успеть в порядок себя привести. Конечно, в парикмахерскую бежать – слишком жирно для него, да и не найдется прям назавтра свободный мастер, но вот самой накрутиться на бигуди да ноготки подмазать можно. Ах, как пошло и преждевременно об этом думать! Да и чего она размечталась? Просто деловой визит. Но он предлагает шесть вечера – что же, на ужин набивается? Серьезно?

– Нет-нет, шесть слишком поздно, – произнесла молодая женщина недовольно. – Давайте часа в четыре.

– Да! Хорошо! Договорились! Диктуйте адрес!

– Пишите. Соймоновский проезд, семь, строение один, квартира ***. Метро «Кропоткинская», это бывшая «Дворец Советов», а там рядом.

– Да-да! Буду! Ровно в четыре.

Оля повесила тяжелую эбонитовую трубку и пошла к себе. Дверь Веры Поликарповны была приоткрыта – подслушивает старуха, как всегда. Ну, ничего. Назавтра она ей даст гораздо больше пищи для сплетен и умозаключений. Ведь к Ольге мужчина пожалует – впервые, наверное, за три года, с тех пор как она окончательно развязалась с Павликом.

Оля вернулась в комнату. Ну, конечно. Борщ, как и следовало ожидать, замечательно простыл. Идти на коммунальную кухню греть не хотелось. Женщина перелила его назад в кастрюлю – авось не скиснет. Пожевала котлету – тоже заledenела, но ей это не сильно повредило.

Да, мужчина. Что-то странное и теплое поднялось у нее внутри при воспоминании о незнакомце. Голос его звучал, что говорить, весьма привлекательно: глубоко, озорно и уверенно. Успокойся, сказала она себе, ты его даже не видела. И увидишь завтра, скорее всего, в первый и последний раз. А он может оказаться в реальности каким угодно: уродом, стариком, инвалидом, юношей, безнадежно женатым или пропащим пропойцей. Вдобавок – явно приез-

жий, хотя и из второй столицы – Ленинграда. Ясно ведь, что ни о каких серьезных отношениях речи быть не может. Чего же она размечталась?

Но все равно: разбередил душу этот звонок, что-то осторожно запело внутри, предвкусывая. Внутренний голос, коему Ольга Егоровна привыкла доверять, отчего-то решил: *что-то будет.*

Ох, ох. А что ей оставалось, если начистоту? Вот такие шансы ловить или?.. Очень трудно живется в Москве в конце пятидесятых женщине восемнадцатого года рождения – в смысле матримониальном. Ровесников или тех, что на пять-семь лет моложе – или на десять-пятнадцать старше, – повыбила война. Оставались на выбор: или глубоко женатые, в поисках клубнички, как все тот же Павлик, или инвалиды, если не физические, то ментальные.

Подружка Сонька накручивала ее: «Да что ты теряешься? В таком вузе работаешь! Ох, я бы на твоём месте развернулась! У вас там мужского контингента полно! Да какого! Отборного! Артисты будущие – красавцы! А режиссеры? Тоже ведь в основном сильный пол! Или операторы! Хотя бы заваливающие сценаристы! И эти, киноведы! А ты – что?! Ходишь синим чулком, даже губки на службу ни разу не на красишь! Да и ладно, помады-пудры! И без женских штучек, знаю, на тебя, такую молодую, стройную профессоршу, студиозы западают!»

Западают, конечно, еще как западают. Она-то видела. И записочки писали фривольного содержания, и букеты дарили, и после занятий подстерегали. Да и она сама кое-кем увлекалась. (Редко, но бывало.) Но в душе, только в ее глубине, втайне от всех – и порой от себя. Может, и мечтала переступить, но ничего с собой не могла поделать. Роман со студентом? Нет, нет и нет. Для нее это табу. Как она вдруг свяжется с юнцом, на десять, а то и на пятнадцать лет младше? Да и потом: они же от нее в зависимом положении, как она будет экзамены, зачеты у них принимать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.